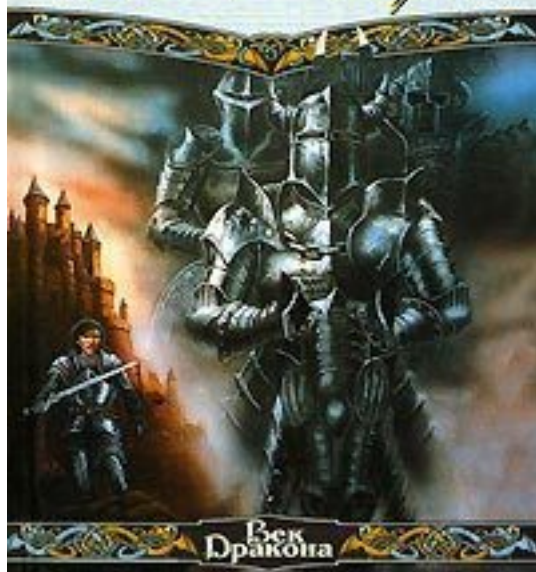

Патриция Брей

и Е. С. М. Д.

ДЕВЛИНА

Бек Дракона

Меч Перемен

Патриция Брей

Честь Девлина

2003

Брей П.

Честь Девлина / П. Брей — 2003 — (Меч Перемен)

Джорская Империя – на грани распада. Венценосный правитель слаб и беспомощен. Его приближенные плетут интриги и заговоры... Приграничье вновь и вновь страдает от вражеских набегов... И тогда наступает время явиться Избранному. Имя ему – Девлин. Еще вчера он был кузнецом в глухой деревушке, сегодня же ему повинуются армии. Но даже сотни тысяч верных воинов не в силах помочь Девлину противостоять могуществу таинственного черного мага, намеренного завладеть Империей. Единственный выход для Избранного – любой ценой отыскать загадочный Меч Перемен, обещанный ему пророчеством. Но на поиски Меча надо отправиться в одиночестве...

Содержание

I	5
II	12
III	16
IV	19
V	28
VI	34
VII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Патриция БРЕЙ ЧЕСТЬ ДЕВЛИНА

I

Девлин из Дункейра, Избранный волей Богов, Защитник Королевства, Первый рыцарь короля Олафура, королевский советник и генерал королевской армии, решительно шагал по коридорам дворца, что-то бормоча себе под нос. Тем немногим, кто попадался Избранному на пути, хватало одного взгляда на его мрачное лицо, чтобы вспомнить о неотложных проблемах и поспешно убраться с дороги. И дело было не столько во внешности Девлина (хотя зеленые глаза и черные – теперь с проседью – волосы выдавали в нем чужестранца: он был первым кейрийцем, поступившим на службу к завоевателям), сколько в его репутации. О крутом нраве Избранного знали все, и иметь такого врага, обладающего властью, никому не хотелось.

Когда Девлин добрался до покоев, отведенных под его штаб, стражник, стоявший у входа, увидел выражение лица Избранного и, не тратя времени на положенные почести, быстро распахнул перед ним дверь. С размаху хлопнув ею, Девлин влетел в кабинет.

Лейтенант Дидрик оторвал взгляд от документов.

– Заседание Совета прошло так, как мы и думали?

Почти четыре месяца назад, когда король назначил Девлина генералом, лейтенанта Дидрика перевели из королевской стражи в помощники Избранного. Кое-кто считал, что тот слишком молод для этой должности, но недостаток лет с лихвой окупался верной службой и дружбой с Избранным. Лейтенант достаточно хорошо знал Девлина и легко мог отличить, взбешен ли тот по-настоящему или просто раздосадован, как сейчас.

– Советники заседают, ведут бесконечные споры и ничего не делают, – в сердцах сказал Девлин, расстегивая жесткий воротник парадного камзола. – А люди во дворце разбегаются, как испуганные овцы, едва завидев меня.

Лейтенант Дидрик кивнул.

– Может, они и поверили бы в твою доброту, если бы ты не рычал.

– А я и не рычу.

– Нет, рычишь.

Девлин сердито сверкнул глазами и принялся ходить из угла в угол. Лейтенант Дидрик, не вставая с места, наблюдал за беспокойными передвижениями Избранного. Тот молча мерил шагами тесное пространство кабинета, пытаясь стряхнуть с себя разочарование и недовольство результатами дневного заседания Совета. Четыре часа в зале, и никакого толку. Нет, это не для него. В прошлом он работал кузнецом и фермером. Оба занятия были не самыми легкими, но Девлин по крайней мере видел плоды своего труда, и это служило ему наградой. Теперь судьбе угодно сделать из него политика, хотя он не хуже других знал, что не подходит для этой роли. Придворный политик должен постоянно находить компромиссы, заключать выгодные союзы, заручаться поддержкой влиятельных лиц и всеми правдами и неправдами добиваться благосклонности монарха. Чтобы лавировать в хитросплетении дворцовых интриг, требуется недюжинное мастерство, а чтобы добиться своей цели, нужно много времени. Время – как раз то, чего ему не хватает.

И что еще хуже, голос Девлина – лишь один из шестнадцати, а ни криком, ни шепотом на свою сторону советников ему не склонить. Поэтому он вынужден уговаривать, задабривать, льстить и торговаться, довольствуясь при этом самыми незначительными победами.

Именно такую победу ему удалось одержать сегодня.

– Есть новости, – сообщил он, опускаясь на деревянный стул напротив лейтенанта. – Совет одобрил предложение призвать в армию уже подготовленных солдат. Курьеры доставят приказ во все провинции. Если повезет, еще до первого снега мы наберем сотню бойцов, а к весне их будет около тысячи.

Лейтенант Дидрик откинулся на спинку стула и довольно улыбнулся.

– Замечательно. А почему ты сразу не сказал?

– Потому что это достижение обошлось мне недешево. Пришлось отказаться от идеи обучить народ, живущий на границе, навыкам защиты, – расстроено произнес Девлин и провел пальцами здоровой руки по коротко стриженным волосам. Он до сих пор сомневался, правильно ли поступил, хотя в этом случае даже обычно его поддерживавшие советники как один воспротивились предложению.

Логика Девлина была предельно проста: вместо того чтобы смотреть, как гибнут беззащитные жители Джорска, надо вооружить людей, которые больше всех пострадают от иноземного вторжения, и научить их обороняться. Советников волновала не нависшая над страной опасность, а укрепление собственной власти. Чернью, которая обучена воевать, управлять гораздо сложнее. Крестьянам того и гляди взбредет в голову поднять восстание против неугодных им хозяев. Девлин признавал, что такой риск существует, и все же настаивал, что справедливым правителям бояться нечего. Однако советники словно оглохли.

— Возможно, резерв нам и не понадобится. После того как отряд майора Миккельсона разбил пиратов, высадившихся в Коринте, на границах стало намного спокойнее. Надеюсь, худшее уже позади.

– Не верю, что наши противники сдадутся так легко, – покачал головой Девлин.

Они все еще не знали их настоящего врага. Пираты, атаковавшие Коринт, оказались наемниками и даже не ведали, кто им заплатил. Лишь счастливая случайность помогла Девлину вовремя раскрыть заговор и предотвратить захват провинции. Королевская армия быстро расправилась с «завоевателями», хотя Девлин и понимал, что угроза не миновала.

Куда же ударит враг в следующий раз? Избранный и его соратники ломали голову, пытаясь определить стратегию неприятеля по случайным на первый взгляд атакам. Им оставалось только гадать, что замышляет их соперник.

– Рекруты нам очень пригодятся, – заметил Дидрик.

– Да. Составь список провинций, которые больше всего нуждаются в защите, и план размещения бойцов. Сделай это к завтрашнему утру.

Девлин прикрыл глаза и запрокинул голову. Заседания Совета утомляли его сильнее, чем самая тяжелая работа. Причиной усталости, свинцовым грузом давившей ему на плечи, было разочарование и неудовлетворенность собой.

– Хуже меня советника не найти, – вполголоса произнес Девлин.

– Не говори ерунды, – возразил лейтенант Дидрик. – Без тебя солдаты до сих пор сидели бы по своим гарнизонам, а Коринт был бы давно захвачен. Разве не ты приказал выставить на дорогах патрули и укрепить пограничные заставы?

Слова Дидрика утешали Избранного, но все это – лишь малая толика из того, что Девлин планировал осуществить, принимая генеральский чин. Тогда он был уверен, что при поддержке короля Олафура сможет навести в королевстве порядок. Увы, Девлин не учел, что политические интриги при дворе – вязкое болото и что по мере того, как о подвигах Избранного начнут забывать, его влияние станет уменьшаться.

Теперь он боролся как мог. На его месте слабый духом уже давно оставил бы всякую надежду, но Девлин был Избранным, которому Заклятие Уз повелевало служить королевству до последнего вздоха. Он и думать не смел о том, чтобы сдаться или отчаяться. Девлин не успокоится до тех пор, пока не исполнит свое обещание и не обеспечит безопасность Джорска.

* * *

Последние аккорды умолкли, и Стивен снял пальцы со струн. Собравшиеся гости зааплодировали, и менестрель поклонился, принимая похвалу, согревшую ему душу.

Теперь редко удавалось поиграть перед благодарной публикой. Не то чтобы не хватало предложений выступить. Напротив. Принимай он хотя бы половину, пришлось бы играть каждый вечер и почти все дни. А Стивен далеко не сразу понял, что его приглашают не за талант музыканта, а благодаря всем известной дружбе с Избранным.

Зато сегодня можно не бояться такого отношения. Сорен Тирвальд не член королевского двора, а богатый торговец вином. За последние несколько лет Стивен не раз играл в его доме, развлекаая гостей, и вот его в очередной раз позвали на празднество.

Менестрель встретился глазами с хозяином дома. Купец Тирвальд кивнул, потом поднялся и подал знак слугам, собравшимся в глубине комнаты. Те принялись обходить гостей, которых собралось два десятка, предлагая им прохладное вино и сладости. Пока они перекусывают и утоляют жажду, Стивен успеет отдохнуть перед второй частью выступления.

Музыкант склонился над арфой и принялся налаживать ее, слегка касаясь струн. Он любил свой старенький инструмент, хотя изношенные колки и вынуждали подстраивать его каждый час.

– Прекрасное выступление, – проговорил Тирвальд.

Стивен поднял голову, невольно вздрогнув. Он не слышал шагов хозяина дома.

Отпустив арфу, он встал с места и слегка поклонился.

– Ваша похвала – честь для меня, купец Тирвальд.

Тот улыбнулся. Благодаря круглому лицу и лысине он скорее напоминал доброго дядюшку, чем расчетливого и умелого торговца, каким его рисовала народная молва.

– И снова прошу тебя называть меня Сорен, как подобает друзьям.

Стивен кивнул, но промолчал. Ситуация была неоднозначная – сын лорда Бринйольфа, барон Эскера, мог спокойно общаться с богатым торговцем вином как с равным. Не слишком же знаменитому менестрелю из Эскера не следовало позволять себе таких вольностей.

– Давай пройдемся, – предложил Тирвальд, взял Стивена под руку и провел его круглым путем по гостиной, кивая и улыбаясь в ответ на приветствия гостей. – Последняя мелодия была совсем новой, верно?

– Да, – ответил музыкант, чувствуя огромное удовольствие от того, что хозяин дома слушал его с таким вниманием. – Я работаю над новым произведением.

Стивен и раньше сочинял песни, писал слова, а потом клал их на музыку. На сей раз мелодия сама зазвучала в голове. Он тщетно пытался сложить стихи, подходящие к мотиву, пока не понял, что этой музыке ни к чему слова – она сама выражает его чувства.

– Очень красивая, но тревожная мелодия. Ты уже придумал ей имя?

– Я думаю назвать ее «В ожидании бури».

В самом конце комнаты купец Тирвальд кивнул одному из слуг, и тот отодвинул шелковые занавеси. Хозяин дома и музыкант зашли в маленькую комнату, и тяжелая ткань закрыла вход.

У Стивена упало сердце. Если уж купец желает поговорить с ним наедине, значит, разговор точно пойдет не про сегодняшнее выступление.

– Мне надо передать послание Избранному, – проговорил Тирвальд, причем доброжелательная улыбка исчезла с лица.

– Меня не удастся так использовать, – отрезал Стивен, разворачиваясь и собираясь уходить. – Я пришел к вам как менестрель. Говорите со мной о моей музыке или вовсе ни о чем.

– Выслушай меня, – сказал мастер Тирвальд. – Пять минут в обмен на все те случаи, когда я давал тебе работу, хотя тогда еще никто и слыхом не слыхивал твоего имени.

Стивен сделал два шага назад, а потом невольно остановился. Купец Тирвальд действительно покровительствовал ему в те времена, когда музыканту приходилось петь в портовых тавернах, чтобы заработать на обед. Попроси его об этом же кто-нибудь другой, Стивен бы даже не остановился. Но перед купцом он был в долгу, а посему обернулся.

– Пять минут, – медленно повторил менестрель. Радостный подъем, который он испытывал всего несколько минут назад, канул в небытие.

– Твой друг наделал немало шума. Даже торговцы в городе говорят об одном лишь Избранном.

– Девлин, – проговорил Стивен, прищурившись. – Его зовут Девлин.

– Что ж, тогда лорд Девлин. Предложенные им реформы многих пугают, и они начинают задумываться, не горше ли лекарство самой болезни?

Можно ли счесть эти слова предупреждением? На Девлина не раз покушались, но никто не осмеливался поднять на него руку после победы над герцогом Джерардом и разоблачения предательских замыслов.

– Вы нам угрожаете?

– Это не угроза, – покачал головой торговец. – Скорее совет. К людям с моей репутацией часто обращаются за советом и купцы, и знать. В последнее время до меня дошли странные слухи. Некоторые говорят, что Девлин из Дункейра не настоящий Избранный.

– Что за чепуха? Неужели он недостаточно себя проявил? Где бы все мы были, если бы Девлин не рисковал собственной жизнью, вызвав герцога Джерарда на поединок и разоблачив его предательство перед всеми?

– В предательстве покойного герцога никто не сомневается. Но многие теперь говорят, что Боги отвернулись от Джерарда, и кто угодно мог его победить. Твой друг всего лишь послужил орудием провидения.

Стивена охватила ярость.

– Девлин едва не умер в тот день, – возмутился он, сжимая кулаки. Музыкант знал, что ему никогда не забыть увиденной тогда картины. Кровь струилась из множества ран, покрывающих тело Девлина, он прижимал к груди искалеченную руку, но стоял, пошатываясь, дабы убедиться, что правосудие свершится. В самых страшных кошмарах Стивену являлись ужасы того дня – его друг на пороге царства Владыки Смерти.

– Память меркнет, – сказал купец Тирвальд. – Героические подвиги вскоре забываются. Теперь придворные беспокоятся о своем будущем, а Избранный и его планы пугают их. Поэтому они собираются и шепчутся. Они говорят, что он не истинный Избранный. Что если бы его и в самом деле послали Боги, то ему даровали бы Сияющий Меч как знак избрания.

– Сияющий Меч был утерян два поколения назад, – заметил Стивен.

– И столько же времени не было истинного Избранного. Никто не мог сравниться с героями прошлого. Тебе это известно не хуже, чем мне.

– Зачем вы все это рассказываете? – спросил музыкант.

– Потому что я верю, что Избранный прав. Скоро будет война. Раньше, чем полагают некоторые. Хотя если ты повторишь мои слова вне стен этой комнаты, я буду их отрицать. Этот новый слух – умная попытка дискредитировать Избранного, ведь значительная часть его силы основывается на вере простого народа. А именно такие люди помнят древние легенды. Скоро они начнут спрашивать, почему же Боги не дали своему посланцу Сияющий Меч. Я решил, что лучше лорду Девлину услышать этот слух от друзей, нежели от врагов.

Стивен заскрежетал зубами в бессильной ярости. Вот цена его решения не быть пешкой в политических играх. Впрочем, не обратить внимания на сведения, сообщенные торговцем,

было просто нельзя. Придется рассказать Девлину. Музыканта опять засасывала трясина политики, которой он всеми силами старался избежать.

– Я передам ваше сообщение, добрый человек Сорен, – проговорил Стивен подчеркнуто невежливо. – А теперь соберу свои инструменты. Вы ведь попросаетесь за меня с гостями?

Он направился к выходу из комнаты, запутавшись по дороге в шелковых портъерах. И даже зная, как глупо выглядит, не мог задушить свою ярость. Стивен злился на Сорена Тирвальда и на королевский двор, который пытается использовать его в своих целях и не рассматривает как серьезного музыканта. Менестрель сердился и на Девлина за то, что тот поставил его в такое положение, хотя и понимал собственную неправоту. Может быть, цена дружбы Девлина именно такова, может быть, Стивену придется распрощаться с мечтами о признании, но разве виноват в этом его товарищ? Нет. Он никогда не требовал такой жертвы. Если кого и можно винить, так это короля Олафура и его придворных, потому что они не могут распознать честного человека, даже когда тот живет среди них.

Еще можно обижаться на Богов, которые послали такого героя людям, не могущим оценить его по достоинству.

* * *

Девлин в отвращении швырнул свиток. Во имя Семи Богов, неужели человек может быть настолько глуп? Его приказы капитану Поулу Карсону были удивительно четкими и простыми. От него требовалось патрулировать Южную дорогу со своей сотней людей, защищая всех добрых путников.

На середине первого обхода войско встретило отряд бандитов, которые взымали дань с проезжих. Вместо того чтобы преследовать негодяев и арестовать их, капитан прекратил патрулирование и отправил посланника в столицу за дальнейшими инструкциями. Письмо было написано две недели назад. Бандиты давно скрылись из провинции и, без сомнения, смеются над королевской армией. Сделанного, конечно, не воротишь. Девлину остается только принять меры, чтобы подобное не повторилось.

– Дидрик, кто у нас следующий по званию старший офицер? – громко спросил он.

Зашелестели бумаги, потом по полу проскреблели ножки стула, – Дидрик поднялся из-за стола. Вскоре помощник показался в кабинете Девлина.

– К сожалению, в гарнизоне нет старших офицеров, если не считать тех, которых вы уже освободили от исполнения обязанностей. Есть, правда, младший офицер. Рика Линасдаттер.

– Сгодится. Отправь в гарнизон посланника, пусть немедленно явится ко мне. Я отправляю ее на замену этому бесполезному червяку, Поулу Карлсону. Если ей удастся расчистить дорогу, я сделаю ее старшим офицером.

– Мне подготовить приказы? – спросил лейтенант Дидрик, бросив взгляд на искалеченную правую руку Девлина.

– Нет, я сам, – покачал головой тот. – Мне надо, чтобы ты закончил подготовку списков рекрутов и размещения их в провинциях.

Дождавшись, когда лейтенант Дидрик вернется в свой кабинет, Девлин вытащил чистый пергамент из центрального ящика стола. Взяв ручку, он обмакнул ее в чернила и принялся писать. *«Капитан отряда Поул Карлсон, вам предписывается передать командование офицеру, вручившему этот свиток, и без промедления вернуться в столичный гарнизон...»*

Сухие, официальные фразы письма составлялись сами собой, поскольку за последние три месяца, с тех пор как Девлин был назначен генералом королевской армии, ему приходилось отправлять подобные приказы несколько раз. Бывший кузнец чувствовал себя не готовым к такой ответственной должности. Для нее лучше подошел бы даже лейтенант Дидрик, но когда король предложил такую честь, отказаться было немислимо.

И лишь несколько позже Девлин понял, что назначение можно счесть скорее наказанием, нежели наградой. В отличие от королевской стражи, где офицеры, подобные Дидрику, начинали с самого низа и выдвигались на более высокие звания соответственно заслугам, в армии служили представители знатных семей Джорска. Политическое влияние имело большее значение, нежели военное искусство, в ходе продвижения по служебной лестнице. Одного этого хватило бы, чтобы создать новому генералу довольно проблем. Но Девлин вдобавок получил свое назначение, победив в поединке прежнего генерала, герцога Джерарда, и разоблачив его предательство.

Многие старшие офицеры были обязаны своим положением дружбе с герцогом и не особо жаловали нового генерала. Они воспринимали Девлина так, словно он был в ответе за предательство их прежнего командира. А те, кто не переживал из-за смерти Джерарда, презирали Избранного за его происхождение.

Девлин же, незнакомый с армией и политическими играми внутри нее, не понимал, как можно отделить просто некомпетентных офицеров от сознательно игнорирующих приказы. Дай ему волю, он провел бы в рядах командования чистку, но сейчас так поступать нельзя. Только не в тот момент, когда армии может понадобиться выступить в любую секунду. И не когда ему нужна поддержка представителей знатных семей, чьи родственники служат в войске.

В конце концов, офицерам был дан шанс проявить способности. И многие хорошо себя зарекомендовали. Те же, которые, как и Поул Карлсон, продемонстрировали полную некомпетентность, недолго занимали свои посты. По возвращении в Кингсхольм бестолковому капитану предложат подать в отставку. Если он откажется, придется навек приписать его к гарнизону. Его имя попадет в список офицеров, которым больше никогда не доверят командование.

Внизу письма Девлин подписался и поставил генеральскую печать. Он сложил пергамент, но не стал его запечатывать. Новому командиру отряда надо будет прочитать приказы, чтобы не возникло никакого непонимания.

Он вытащил еще один лист пергамента и начал писать отдельный список приказов новому командиру отряда. *«Младшему офицеру, капитану Рике Линас...»*

Правую руку свело судорогой, ручка словно сама вырвалась из пальцев, перелетела через весь стол и приземлилась на стопку еще не прочитанных отчетов. Из нее вытекли черные чернила, забрызгав документы и испачкав левую руку генерала. Девлин поднял ручку и положил ее на промокашку.

– Проклятие, – выругался он. Правую руку снова свело. На сей раз она задержалась, упала со стола и бессильно повисла. Приступ дикой боли – мышечная судорога. Потом боль отпустила, милосердно сменившись онемением от плеча до кончиков пальцев.

Поскольку искалеченная правая рука отказалась повиноваться, Девлин поднял ее левой, положил на стол ладонью вверх и попытался привести в норму, старательно растирая.

Воин грустно смотрел на оставшихся три пальца и алый шрам, обезобразивший ладонь. Он приказал пальцам сомкнуться, но те и не подумали слушаться. Ладно, по крайней мере перестали дергаться.

– Я должен считать себя счастливым.

– Что ты говоришь? – переспросил лейтенант Дидрик.

– Ничего.

Девлин и не заметил, что произнес последние слова вслух. И верно, ему *следует* считать себя счастливым. Чистое везение, что удалось спасти хоть бы такую часть руки. Хотя он и лишился безымянного пальца и мизинца, остальные уцелели вместе с частью ладони. И ими даже можно пользоваться, хотя и непросто. Зато судороги теперь реже скручивали руку. Мастер Освальд уверял, что со временем они и вовсе прекратятся, правда, лекарь очень старался избежать ответа на вопрос «Когда?». Вместо этого он призывал к терпению, и Девлину ничего не оставалось, кроме как ждать, пока предательское тело исцелится.

Поблагодарив лекаря за совет, воин принялся мрачно выяснять, что же он в самом деле может, а что не может делать. Ему понадобился почти месяц, чтобы хоть отчасти научиться владеть пальцами. Потом началась настоящая работа. С луком оказалось легко справиться, поскольку вес удерживала левая рука, а накладывать стрелы и спускать тетиву можно было двумя пальцами. Боевая секира представляла собой куда большую проблему, потому что хватке правой руки не хватало былой силы, и удары стали слабее. Если раньше Девлин мог убить одним махом, то теперь сумел бы лишь покалечить. Но мышцы можно укреплять, и со временем получится компенсировать потери.

Совсем другое дело меч. Хватка стала неуклюжей, даже если сражаться двуручным длинным мечом. Все тренировочные поединки заканчивались позорнейшим поражением. Мастер Тимо, королевский оружейник, пробовал делать разные рукояти для меча Девлина, и все-таки, несмотря на все свое искусство, не сумел найти приемлемого решения.

Значит, воину просто придется поработать над собой.

II

– На том и порешим. Используем рекрутов для укрепления границы с Нерикаатом, – подытожил Девлин, склонившись над картой и указывая на северо-западную часть королевства. – Южным провинциям придется подождать до весны, когда подойдут новые ополченцы.

Девлин оторвал взгляд от разложенных на столе карт.

– Правильно, – одобрила капитан Драккен.

Лейтенант Дидрик молча кивнул.

– Лейтенант, надо передать мой приказ старшим офицерам. Попроси их собраться у меня завтра утром. Капитан Драккен, благодарю вас за помощь.

Капитан ответила коротким поклоном в знак уважения к партнеру и другу.

– Всегда к твоим услугам.

– За это и спасибо, – улыбнулся Девлин.

Строго говоря, в качестве начальницы королевской стражи капитан Драккен контролировала безопасность во дворце и порядок в Кинсгхольме. Защита королевства и расстановка ополченцев, прибывших из других провинций, больше входили в задачи армии. Но джорскианцев, которым Девлин доверял, он мог пересчитать на оставшихся пальцах правой руки, и только один из этих людей служил в королевской армии. Сейчас он был далеко. По приказу Избранного майор Миккельсон возглавлял охрану прибрежной провинции Коринг.

Девлин привык обращаться за помощью к капитану Драккен, щедро пользуясь ее более чем двадцатипятилетним опытом службы. Определив стратегию, он сообщал о своих решениях офицерам, выступая в роли мудрого полководца. Лишь трое – он сам, капитан Драккен и лейтенант Дидрик – знали, что это всего-навсего видимость.

Входная дверь хлопнула, в коридоре раздались шаги, и кто-то окликнул Избранного:

– Девлин?

– Мы здесь, – отозвался он.

Стивен нерешительно остановился на пороге.

— Я помешал?

– Нет-нет, мы уже закончили, а поскольку я давненько тебя не видел, выставить старого друга за дверь – просто невежливо.

Стивен стал первым товарищем Избранного в чужой стране, хотя бремя дружбы Девлин принял не сразу. Менестрель разделил с Девлином немало приключений, но в последние месяцы виделись они редко. Избранный был занят новыми обязанностями, а Стивен ясно дал понять, что политическим играм предпочитает музыку. И все же тень интриг, вероятно, коснулась и его – иначе с чего бы Стивену выглядеть таким расстроенным и приходить в кабинет Девлина, а не к нему домой?

Капитан Драккен посмотрела на менестреля, потом перевела взгляд на Девлина и сказала:

– Мне пора.

– Нет, – остановил ее Стивен. – Вы и лейтенант Дидрик тоже должны это услышать.

Что заставило менестреля прийти сюда? Девлин присел на край стола и ободряюще кивнул юноше.

– Вчера вечером я играл для одного вино торговца, Сорена Тирвальда.

– Я его знаю, – перебила капитан Драккен. – Он слывет хорошим дельцом. Расчетливым, но честным.

Стивен кивнул, его узкое лицо побледнело.

– Почтенный торговец, который не станет ввязываться в грязные политические интриги. Еще вчера я так бы и сказал.

– А сегодня? – подтолкнул Девлин.

– Вчера он отвел меня в сторону, чтобы поговорить наедине. Как он утверждает, кое-кто из дворян не верит, что ты – Избранный. Ходят слухи, что настоящему Избранному Боги должны были ниспослать Сияющий Меч.

– Это все? – спросил Девлин.

– Тирвальд просил передать тебе эти слова и предупредить: возможно, это попытка очернить тебя в глазах простого народа, – закончил Стивен, и его плечи бессильно поникли, как будто с них свалился тяжелый груз. Девлин видел, что юноша чувствует себя орудием в чужих руках, хотя известие, которое он принес, не оказалось для Избранного неожиданным.

– Я слышал это и раньше, – сказал он. – Больше недели назад стало ясно, что среди придворных распространился новый слух. На следующий же день некая добрая душа посчитала необходимым сообщить мне, о чем говорят.

Капитан Драккен задумчиво потерла подбородок.

– Хитро придумано, ничего не скажешь. По меньшей мере это бросит тень на твое положение. А в худшем случае они уговорят короля послать тебя на поиски меча.

– Тем самым убрав из дворца и с заседаний Совета, – кивнул Девлин. Он ожидал, что сплетни скоро смолкнут, однако молва, похоже, набирала силу.

Девлину повезло только в одном. Он не говорил об этом вслух, но был уверен: те, кто пустил слух, не просто хотят подорвать авторитет Избранного. Они надеются, что Заклятие Уз заставит Девлина отправиться на поиски меча, хочет он того или нет. Они даже могут заявить, что найти меч – святая обязанность Избранного. Впрочем, Боги оказались милостивы к Девлину, и Заклятие Уз мирно дремало где-то в глубине его сознания.

– И как, интересно, я найду этот меч? – спросил Девлин, стараясь придать голосу насмешливый тон. – За все эти годы с него, должно быть, сделали сотню копий.

– Копий не было, – покачал головой Стивен. – Был только один Сияющий Меч. Когда лорд Зеймунд погиб и прославленный клинок исчез, для следующего Избранного выковали новый. Оружейник счел кощунством делать копию меча, созданного сыном Эгила.

– Эти сказки рассказывают о всех великих мечах, – презрительно фыркнул Девлин. – Еще скажи, что Сияющий Меч отковал сам Бог-кузнец!

– Так действительно говорят, – серьезно сказал Стивен.

Девлин решил, что лучше не спорить. История Избранных – конек менестреля, он знает о героях прошлого больше, чем кто-либо другой в королевстве. Начнешь возражать, и Стивен тут же выложит все сведения о предполагаемой судьбе клинка. А также, чего доброго, вздумает исполнить одну-две баллады о том, как ковался Сияющий Меч. Девлин же сейчас вовсе не был расположен слушать пение менестреля. Хотя Избранный, когда-то сам державший в руках кузнечный молот, все-таки был заинтригован.

– Сохранились какие-нибудь описания или изображения этого меча? – спросил он.

– Во дворце есть картинная галерея. Туда сейчас почти никто не ходит, но в ней есть портрет Дональта Мудрого. Если память мне не изменяет, он изображен с Сияющим Мечом, – сказала капитан Драккен.

– Проводите нас туда?

– Конечно.

Из западного крыла замка, где располагался штаб Избранного, капитан провела их в центральную, старую часть дворца. Поднимаясь на четвертый этаж, все четверо заметили, что коридоры постепенно сужаются, а каменные плиты под ногами становятся все более истертыми. На ходу заглядывая в открытые двери комнат по обеим сторонам очередного коридора, в одной из них Девлин увидел мраморные скульптуры, в другой – фарфор, в третьей – какие-то ящики, накрытые белыми чехлами, – возможно, мебель.

Арка в конце коридора вела в большой зал, который в длину занимал все двести футов верхней части замка. Свет проникал в зал с трех сторон через узкие окна, расположенные под

самым потолком. Девлин остановился. Стена перед ним сверху донизу была увешана картинами разных размеров и жанров. Оглядевшись, то же самое он увидел и на остальных стенах. Сцена битвы, персонажи которой были изображены в человеческий рост, соседствовала с пестрым собранием небольших портретов. Картины обрамляли золотые, почерневшие серебряные и даже простые деревянные рамы. Такую же мешанину представляли собой и сюжеты.

– Откуда начнем? – поинтересовался лейтенант Дидрик.

Капитан Драккен подошла к северной стене и принялась разглядывать длинный ряд картин. Наконец она выпрямилась и воскликнула:

– Вот!

Девлин в сопровождении Стивена и Дидрика приблизился к стене. Капитан Драккен указала на средних размеров портрет.

– Дональд Мудрый, – сообщила она.

Портрет Дональда, которого часто называли последним из великих Избранных, изображал человека зрелых лет с длинными светлыми волосами, заплетенными в боевую косу. У него были резкие черты воина, а суровый взгляд синих глаз, казалось, проникал прямо в душу смотрящему. Через плечо у Дональда висела перевязь, из-за спины виднелась только рукоять меча. Нет... Не может быть...

Девлин судорожно сглотнул.

– А есть ли картина, где меч виден получше?

– Помнится, раньше здесь все было по-другому. Наверное, старею, – сказала капитан Драккен. – Впрочем, все равно должны быть еще портреты. Давайте поищем.

Они разделились, и каждый выбрал себе одну из четырех стен. Девлину досталась южная, самая дальняя от той, где висел портрет Дональда. Взгляд Избранного скользил по картинам, хотя в действительности он брел, словно слепой, твердя себе, что этого не может быть, и сознание сыграло с ним злую шутку.

Девлин поднял голову и увидел то, что искал. Юная дева, черты которой носили явное сходство с Дональдом, держала перед собой меч, отражая атаку воина, облаченного в доспехи. Позади нее, не найдя иного укрытия, к большому валуну в страхе прижался мальчик. Художник несомненно обладал редким талантом, потому что сумел запечатлеть не только испуг ребенка, но и яростную решимость девушки. Было видно, что она смотрит в лицо смерти и ничуть ее не страшится. Впрочем, как только Девлин увидел меч, выписанный с не меньшим мастерством, восхищение талантом художника сменилось изумлением. Это был длинный клинок с сужающимся лезвием и необычной рукоятью: гарда была не одинарной и изогнутой, а двойной, в виде прямых планок – подлиннее и покороче. Головку рукояти украшал драгоценный камень, сиявший алым пламенем.

– Камень нарисован неправильно, – прошептал Девлин, хотя в душе ему хотелось закричать. – Он должен быть темно-вишневым, почти черным.

– Он и был темным, – сказал Стивен, и Девлин чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он не слышал, как подошли товарищи. – Камень светился только тогда, когда Избранный обнажал меч в бою.

Однако то, чего не заметил Стивен, не ускользнуло от внимания женщины.

– Откуда ты знаешь, как должен выглядеть камень? – спросила Девлина капитан Драккен. Не сводя глаз с картины, Девлин отошел от стены на шаг, другой...

– Я держал этот меч в руках, – глухо произнес он. Во рту Девлин внезапно ощутил вкус желчи, и его чуть не стошнило, но он понимал, что от правды уже не уйти.

– Как это? – опешила капитан Драккен.

Девлин молчал. Потом воин отвернулся от стены и побрел прочь, чувствуя, что ему нужно убраться отсюда, причем немедленно, пока он не поддастся желанию разбить что-нибудь вдребезги. Друзья не дали ему уйти. Стивен догнал Девлина и схватил его за рукав.

– Ты видел его? Знаешь, где он?

Девлин резким движением вырвал руку.

– Меч потерялся в битве у Инниса, так?

– Так, – подтвердил Стивен. – В последние часы осады, когда погиб лорд Зеймунд.

– В последние часы резни, – мрачно поправил его Девлин.

Его народ хранил свои собственные воспоминания об Иннисе и джорскианцах. Может, лорд Зеймунд и был Избранным, однако за то, что сделало его войско, он заслуживал вечных страданий в царстве Владыки Смерти. Армия Избранного не щадила ни стариков, ни женщин, ни детей, а те, кто не погиб от рук солдат, заживо сгорели, когда джорскианцы подожгли город. Уцелело так мало народу, что некому было даже похоронить мертвых. И по сей день Иннис стоял в руинах, в которых обитали только беспокойные призраки.

Иннис был маленьким городом, а остальная часть Дункейра почти не пострадала от разрушений. Большинство кейрийцев, в том числе и Девлин, старались не вспоминать об осаде. Война давно закончилась, и беречь старые раны не имело смысла. Но сегодня тень прошлого вернулась.

Девлин провел левой рукой по волосам, соображая, как лучше объяснить все товарищам.

– Когда я был мальчишкой, отец и мать отдали меня в ученики к кузнецу, мастеру Рорику.

Как и моим родителям, ему удалось пережить иннисскую бойню.

– Ты называешь осаду «бойней», однако история описывает ее иначе...

– Мне нет дела ни до ваших сказок, ни до песен менестрелей, – сухо ответил Девлин, едва сдерживая гнев. – Мои родители были детьми, которым посчастливилось выжить в тот день, когда погибли все их близкие.

Другие беженцы заботились о них, пока они не добрались до Альварена, где жили их дальние родственники – настолько дальние, что почти и не считались родней. Детей взяли на воспитание, вырастили и нашли для них ремесло. Впрочем, те, кто уцелел в Иннисе, не теряли друг друга и в суতোлке столицы, ведь общая беда накрепко связала их на всю жизнь. Дружба Камерона и Талант переросла в любовь, и, став взрослыми, они поженились. Когда пришла пора выбрать занятие младшему сыну, они, конечно же, обратились к одному из тех, кто вместе с ними пережил осаду Инниса. В начале войны мастер Рорик уже был вольным кузнецом. Он никогда не рассказывал, как сумел остаться в живых и кого потерял в тот день, но хранил одну вещь, напоминавшую об осаде.

– Меч, – догадалась капитан Драккен.

– Меч, – кивнул Девлин. – Такой удивительной красоты, что сделать его мог только великий мастер. Стальное лезвие сверкало на солнце, он был гибким и в то же время невероятно прочным. Клинка крепче этого я не видел ни до того, ни после. Мастер Рорик хранил меч в сундуке – и как большую ценность, и как горестное напоминание об осаде. Время от времени он доставал клинок и разрешал лучшим из учеников посмотреть и потрогать его, чтобы те стремились к красоте и совершенствовали свои навыки.

– Так ты знаешь, где меч? – с надеждой спросил лейтенант Дидрик.

– Нет, – ответил Девлин. – Я знаю, где он *был*.

III

После этого жуткого откровения Избранный широким шагом покинул галерею. Его боль и гнев были так очевидны, что окликнуть его или пойти вслед не осмелился никто. Капитан Драккен переглянулась с лейтенантом Дидриком, который вопросительно поднял брови, но промолчал. И только Стивен, казалось, не замечал воцарившейся неловкости. На его лице застыло изумление, и он, не видя ничего вокруг, продолжал бормотать себе под нос:

– Меч... Сияющий Меч...

– Он видел меч, – эхом отозвался Дидрик.

– И что это значит? – спросил Стивен.

– Возможно, ничего. Или только то, что по какому-то капризу судьбы Боги послали нам человека, который сможет вернуть утраченный клинок, – сказала капитан Драккен, пытаясь успокоить не только других, но и себя.

По лицу Девлина капитан поняла, что на него нахлынули тяжелые воспоминания, и избавиться от них так скоро он не в силах. Она не могла допустить, чтобы открытие, которое сделал Избранный, разрушило тонкие нити взаимопонимания, возникшие между ними на службе королевству.

– Дидрик, передай начальникам дозора: пусть гвардейцы найдут Избранного и не спускают с него глаз. Как только узнают, где он, пусть сообщат мне. Он может попытаться тайком выскользнуть из города.

– Думаете, он пойдет за мечом?

– Не знаю, – честно призналась капитан. – Но сейчас он не в себе и способен выкинуть любую глупость – например, в пылу гнева уйти из Кингсхольма, не взяв ни еды, ни теплой одежды.

Не прошло и часа, как стражники доложили, что Девлин находится на тренировочной площадке и методично рубит своим огромным топором одну деревянную мишень за другой.

Остаток дня капитан Драккен провела в обычных заботах – проверила караульные посты на городских воротах, выслушала делегацию торговцев с рыночной площади, которые жаловались на вспышку мелких краж, и утвердила расписание дежурств, составленное лейтенантом Эмбет. Даже погруженная в повседневные дела, капитан неотвязно думала об Избранном и о загадке Сияющего Меча. Она понимала, что рано или поздно Девлин все равно должен будет пойти на поиски меча, хотя бы ради благополучия королевства. Капитан знала и то, что когда гнев Избранного остынет, эта мысль придет и ему в голову.

Капитан засиделась в кабинете допоздна. Каждый раз заслышав шаги, она выглядывала в окно, ожидая увидеть Избранного, но он не появился. Наконец, уже глубокой ночью, она решила, что дала ему достаточно времени на раздумья.

Накинув плащ, капитан Драккен вышла из Павильона Стражи и пересекла внутренний двор замка, направляясь к северной башне. Стражники, стоявшие у входа, отдали ей честь.

– Все спокойно? – спросила она, ответив на приветствие.

– Да, капитан. Все спокойно, – как положено, ответил стражник Бейра.

Капитан Драккен подняла глаза на зубчатую стену, и, проследив за ее взглядом, Бейра кивнул:

– Он все еще там.

Стражник отворил дверь, капитан вошла внутрь и по узкой винтовой лестнице поднялась на стену. В лицо ей ударил резкий порыв ветра. Ночной воздух, достаточно холодный в защищенном высокими стенами дворе замка, здесь был просто ледяным.

Она обошла почти всю стену и нашла Девлина только на южной стороне. Он выбрал весьма опасное место, усевшись на узкий парапет, огораживающий галерею. Капитан вспом-

нила, как почти в такую же ночь полтора года назад она пришла к новому Избранному, чтобы поручить ему первое задание. Тогда Девлин был для нее чужаком, инструментом, которому еще предстояло доказать свою полезность и ценность. Прошлое Девлина не волновало ее, впрочем, как и остальных в Кингсхольме.

Теперь ему доверили безопасность королевства, а она, как и раньше, почти ничего не знала о прежней жизни Избранного, о людях его края. Девлин отличался немногословностью, а у нее не было особых причин приставать к нему с расспросами. До сегодняшнего дня.

Завоевание Дункейра произошло больше пятидесяти лет назад, задолго до ее рождения. В бытность новичком в страже капитан встречала седых ветеранов, которые были молоденькими солдатами во времена войны. И хотя они часто хвастались свершенными там героическими подвигами, о событиях в Иннисе все, словно сговорившись, помалкивали.

Об этой битве капитан знала лишь то, чему учили детей на уроках истории. Иннис был небольшим городком на юге Дункейра. Последний свободный город страны, он был обречен с начала осады. Горожане поняли бесполезность сопротивления, и когда продовольствие подошло к концу, согласились сдать Иннис.

Лорд Зеймунд, Избранный, ввел войска в город и обнаружил, что это была ловушка. Кейрийцы напали без предупреждения. В ходе кровавой схватки обученные солдаты королевской армии выиграли бой, но лорд Зеймунд был убит. В отместку Иннис предали огню.

Не самая приятная история, однако войска часто делают и худшие вещи, потеряв обожаемого полководца. Если верить тому, что капитан слышала, получалось, что жителям позволили выйти из города перед тем, как уничтожить его. Когда участников тех событий начинали расспрашивать о подробностях, они увиливали от разговора, заявляя, что им больно вспоминать потерю Избранного.

Во всех слышанных Драккен рассказах не было и намека на резню. И все же ясно, что Девлин сохранил в памяти совсем другое, и у него мало причин любить тех, кто покорила его народ.

И уже не в первый раз капитан задумалась: столь ли преданным делу Избранного был бы Девлин, если бы его не связывало Заклятие Уз?

* * *

Заметив приближающуюся фигуру, Девлин повернул голову. В неверном свете факела его глаза казались пустыми, а выражение лица – непроницаемым.

– Ты должен найти меч, – без предисловий сказала капитан Драккен.

– Знаю, – кивнул Девлин. – Заклятие Уз уже начинает давить на меня. Скоро я не смогу противиться его силе. – Он отвернулся и долго молчал, а потом вдруг спросил: – Ты веришь в судьбу?

– Нет, – решительно ответила капитан. – С самого рождения каждый из нас выбирает пути.

– Когда-то я тоже так думал. Однако не наберется и десятка человек, которые видели Сияющий Меч за все годы после осады Инниса, и я ни за что не поверю, что Избранным меня сделала простая случайность.

Капитан не нашлась, что ответить.

– Может, и правильно меня назвали убийцей родных, – прибавил Девлин так тихо, что капитан Драккен едва расслышала его слова.

– О чем ты?

Девлин перекинул ноги на внутреннюю сторону парапета и встал.

– Если бы моя семья не погибла, я бы до сих пор жил в Дункейре, – сказал он, глядя капитану в глаза. – Я не стал бы изгнанником, не услышал бы о каких-то там Избранных и

никогда бы не отчаялся настолько, чтобы прийти в Джорск. Боги захотели вернуть Сияющий Меч и выбрали меня своим орудием. – Девлин втянул воздух сквозь стиснутые зубы, и кулаки его сжались от гнева. – Керри была убита, потому что любила меня и потому что я не покинул бы Дункейр, будь она жива.

– Нет, – поспешила возразить капитан Драккен. – Нельзя так думать. Я не верю, что божества столь жестоки.

– Значит, твоя вера в Богов сильнее, чем моя.

– Что ты будешь делать?

Девлин засмеялся, и по спине женщины побежали мурашки – это был смех человека, вновь стоящего на грани безумия.

– А разве у меня есть выбор? Боги уже все решили, и Заклятие Уз заставляет меня подчиняться независимо от того, чего хочу я сам. Я найду меч, как того хотят Боги... но наступит день, когда я встречу с Владыкой Хааконом и спрошу с него за все!

В глазах Девлина полыхнул темный огонь, и капитан Драккен увидела в них такую решимость, что у нее не осталось и тени сомнения: Девлин потребует расплаты, чего бы ему это ни стоило.

IV

Девлин зябко поежился – порыв северного ветра распахнул полы плаща и обдал холодом незащищенное тело. Над головой нависало свинцово-серое небо, грозящее скорым дождем. Из крытой южной башни на Избранного опасно поглядывал стражник, и не думавший приставать с вопросами о том, что тот здесь делает. Девлин ясно дал понять, что к нему лучше не приближаться. Стены были его личным убежищем, единственным местом, где можно было побыть одному.

Ему требовалось время, чтобы подумать. Прошедшие два дня, заполненные кипучей деятельностью, слились для него воедино – приходилось готовиться к отбытию. Когда-то Девлин легко выскользнул бы из дворца незамеченным, но эти дни давно прошли. Теперь он был королевским советником и генералом армии. Люди, занимающие подобные должности, не могут просто так уехать.

Холод снаружи вполне соответствовал стуже, царящей в душе Избранного. Завтра он покинет столицу и вернется на родину. Но эта мысль не радовала. Покидая Дункейр, Девлин поклялся никогда туда не возвращаться. И вот меньше чем через два года судьба вновь делает из него лжеца.

Он посмотрел на юг, туда, где город Кингсхольм сменялся деревушками и процветающими фермами. Вдали темнел лес, высящийся за вспаханнами землями. Дальше простирались холмы, и все это было лишь началом долгого пути.

Да, дорога будет неблизкой, и время года тоже не самое приятное – зима на носу. И, конечно, не вдохновляет полная неопределенность. Ведь все усилия могут оказаться напрасными – через много месяцев пути окажется, что меча нет там, где он его ищет.

И что же делать тогда? Провести остаток жизни, охотясь за проклятым клинком? Да и легко ли находиться в Дункейре, не будучи его частью? Для друзей и семьи он все равно что умер. Его приезд сродни явлению призрака, особенно учитывая, чью форму он носит. Форму завоевателей.

Он отдал бы все что угодно, лишь бы не отправляться в этот поход. Остаться в Джорске, пока кто-нибудь другой поедет за мечом. Однако выбор был не за ним. Оказывается, у него и не было никогда по-настоящему свободной воли, и именно это особенно мучило воина.

Закрыв глаза, Девлин прислонился к стене. Холод гранитной кладки проникал даже сквозь толстый плащ. Погрузившись в глубокое раздумье, Избранный стоял неподвижно, пока не услышал звук приближающихся шагов. Он открыл глаза и устремил взгляд на далекий горизонт, словно ожидая непрошеного гостя.

– Я была лучшего мнения о тебе. Если ты уедешь сейчас в этот дурацкий поход, все твои труды окажутся напрасными, – проговорила Сольвейг, останавливаясь прямо перед Девлином и загораживая обзор. Она была одета в теплый плащ на кроличьем меху и низко надвинула капюшон, чтобы защититься от пронизывающего ветра, но во взоре женщины светилась ярость.

– Как ты нашла меня?

Немногие, помимо стражников, знали о его привычке искать убежища среди зубцов крепостной стены, если хотелось побыть одному. Даже Стивен не решился бы отправиться за Девлином сюда, и поэтому присутствие его сестры удивило воина.

– Я искала тебя с самого утра, как только услышала об этой глупости. В конце концов я пошла к страже и заставила капитана Драккен рассказать, где ты. Она долго запиралась, и все же я убила ее, что мне необходимо увидеться с тобой до отъезда.

– Вот мы и увиделись, – заметил Девлин.

– И я снова повторяю, что тебе нельзя уезжать. Это ловушка, дабы отвлечь твоё внимание от творящегося в Кингсхольме. Мы создавали нашу коалицию много месяцев, и без тебя она моментально развалится. Консерваторы снова возобладают в Совете, и окраины останутся брошены на произвол судьбы. Опять.

– Знаю, – отозвался воин.

Поездка в Дункейр и обратно займет не меньше четырех месяцев по хорошей погоде, а такой ждать не приходится. И совсем уж сложно сказать, сколько времени потребуется, чтобы добыть меч, когда он окажется там. Когда же Девлин вернется в столицу, его свершения будут давно забыты и влияние на короля сойдет на нет. Кроме того, остается вероятность, что он и вовсе не вернется. Известно, что окраины – опасное место. Избранный может попасть в засаду, которую легко спишут на местные беспорядки. В любом случае, умрет он или отправится в этот дурацкий поход, враги его выиграют.

Сольвейг возмущенно воздела руки к небу.

– Если ты все понимаешь, почему собираешься поехать? Оставайся и сделай то, что поклялся. Помогите нам укрепить королевство, чтобы мы успели подготовиться к войне, которой явно не избежать.

Ах, если бы все было так просто. Будь выбор за ним, Девлин оставил бы проклятый меч и дальше ржаветь в Дункейре. Ему не требовался прославленный клинок, чтобы доказать, на что он способен. Избранный прекрасно одолел герцога Джерарда и предотвратил вторжение в Коринт без него. От Сияющего Меча он не станет ни сильнее, ни мудрее, ни отважнее. Хуже того, искалеченная рука вообще не позволяет сражаться двуручным клинком.

Были и причины личного характера, по которым он не стремился на родину.

Только все это меркло по сравнению с мощью Заклятия Уз. Колдовская песня уже звучала в мозгу, подталкивая его, побуждая двигаться вперед. Пока голос был совсем тихим, но с каждым часом становился все громче. И чем дольше сопротивляться, тем сильнее он станет, пока Девлин не перестанет думать обо всем остальном.

– Не вызовись я сам, король Олафур приказал бы мне отправиться за ним. Он давно уже искал предлог отделаться от меня. Ты же знаешь, как Его величество ненавидит конфликты. Он устал от споров на Королевском Совете, устал от того, что я постоянно подталкиваю его к решительным действиям. Когда я уеду, он сможет спокойно действовать по собственному разумению, и не важно, что оно ведет его к гибели.

– Может, ты и готов сдаться так легко, да я не готова. Мы пойдем к королю и убедим его, что это безумие. Меч был утерян пятьдесят лет назад; нет никаких причин пытаться вернуть его именно сейчас. Ты же можешь провести остатки жизни в бесплодных поисках.

Девлин поколебался, размышляя, какую часть правды может ей открыть, но решил, что она имеет право знать все. Сольвейг была верным союзником, и ее советы не раз помогали ему не утонуть в мутном болоте придворной политики.

Пусть поймет, что это не его пустая прихоть.

– Если бы меч был действительно утерян, то я, разумеется, остался бы здесь, невзирая на любые королевские приказы. А он не утерян. Я видел его, хотя в то время о том и не подозревал. Об этом знаешь только ты, капитан Драккен, Стивен и Дидрик. Остальные уверены, что я отправляюсь искать ветра в поле, и, быть может, только это нас защитит, потому что иначе враги не позволят мне выполнить миссию.

– Ты видел меч? Когда?

– Когда я был учеником кузнеца, мне удалось внимательно изучить клинок, выкованный с невероятным искусством. Я провел много часов, любясь его красотой и гадая, что входило в состав сплава. Разумеется, я и не подозревал, что это Сияющий Меч. Равно как и человек, которому меч принадлежал. Ему было известно лишь то, что от этого клинка погиб его брат. И все же это оружие было слишком красиво, чтобы уничтожить его. – Девлин сглотнул комок

в горле. – Я и думать про него забыл, но капитан Драккен показала мне портрет Дональта Мудрого. И с того момента я сражаюсь с Заклятием Уз, которое требует, чтобы я отправился искать меч, принадлежащий Избранным. Как видишь, ни твои слова, ни даже слова короля или Совета не имеют значения. Я боролся с зовом уже два дня, но дольше откладывать отъезд не могу. Мы отбываем завтра на рассвете.

В бледно-голубых глазах Сольвейг отразилось понимание, и Девлин отвернулся, чтобы не прочесть там и жалость.

– Если ты решил уехать, то береги себя. Стивен сказал, что отправится с тобой вместе с лейтенантом Дидриком, но насчет прочих приготовлений промолчал. Велик ли будет эскорт?

– Его не будет. Мое возвращение и без того создаст довольно сложностей. Не стоит усугублять ситуацию, приезжая во главе отряда солдат.

Сложностей — это мягко сказано. Девлин уехал из Дункейра, окруженный таким облаком подозрения, что даже друзья и родственники отвернулись от него. Теперь он вернется после того, как принес клятву служить королевству, что поработило его народ. Они назовут его предателем и убийцей родни. И именно этих людей предстоит убедить вернуть ему Сияющий Меч.

– Ты должен взять с собой эскорт. Здесь, в городе, тебя защищает стража. А вот на дороге ты можешь столкнуться со многими опасностями. Если ты погибнешь, то не все ли равно от чьей руки – бандитов или наемных убийц? Результат будет один и тот же, а мы не можем потерять тебя.

Девлин понимал, что Сольвейг куда сильнее беспокоится не о нем, а о своем младшем брате, а потому постарался утешить ее, как мог.

– Если на нас нападут, я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить Стивена. Хотя обещать ничего не буду. Я не могу ручаться ни за его безопасность, ни за свою.

Девлин помолчал, снова задумавшись, не стоит ли запретить музыканту сопровождать его в этом походе. Несмотря на все свое мужество, Стивен остается менестрелем, а не воином. Кроме того, он юн и по годам, и по житейскому опыту. В нем осталась невинность, которую Девлин растерял много лет назад. Однако, с другой стороны, он верный друг и к тому же весьма упрям. Если запретить Стивену ехать, тот все же последует за Избранным тайно, подвергая себя еще большей опасности.

– Маленькому отряду проще избежать засады, чем большому, – проговорил Девлин. – Может быть, ничего не случится. Мои враги и так достигли немало, ухитрившись отправить меня в этот поход. До Дункейра почти два месяца, а оказавшись там, придется искать меч. Человек, которому он принадлежал, давно умер, и оружие могло много раз переходить из рук в руки. Мне повезет, если удастся приехать к весеннему Совету.

– А без твоего постоянного подталкивания Совет вернется к старым привычкам. Советники будут потихоньку грызться между собой и пальцем не шевельнут, чтобы укрепить оборону королевства. Твое влияние постепенно угаснет, а союзники окажутся в меньшинстве.

Врагам не требуется убивать Девлина. Вполне достаточно выманить его из столицы. Избранный лишь недавно получил влияние и власть при дворе, а растерять их очень легко. Когда он вернется, у короля Олафура, без сомнения, будет новый Главный Советник, и Девлин опять окажется в роли бесполезного наблюдателя.

– Король согласился отдать мое место в Совете лорду Рикарду, но голосовать ему не позволено, – сказал Девлин. Даже этого удалось достичь с большим трудом, после многочасовых споров. Вообще-то он хотел видеть на своем месте не лорда Рикарда, однако король отказался даже рассматривать Сольвейг в этом качестве. Конечно, она была наследницей барона, и все же многим казалось, что ее семья и так имеет слишком большое влияние при дворе благодаря дружбе с Девлином.

– Рикард хороший человек, хотя его горячий нрав может наделать больше вреда, чем пользы, – заметила Сольвейг.

– Он обещал держать себя в руках.

Как владелец приграничных земель, Рикард мог противостоять более консервативным членам Совета. И тем не менее лорд, даже при всем его старании, не лучший вариант. Ему придется полагаться лишь на свое красноречие, пытаясь переубедить Совет. А за четыре месяца может случиться многое.

– Тебе надо добиться отсрочки. Постарайся задержаться здесь до весны, чтобы мы убедились – угроза вторжения миновала. Тогда будет более подходящий момент для начала путешествия, да и в хорошую погоду ехать быстрее и приятнее, – продолжала Сольвейг. – Может, обратишься к мастеру Дренгу? Он не может ослабить влияние Заклятия, чтобы ты мог остаться?

– Это заклинание выходит за пределы его возможностей – отрезал Девлин.

Со дня судьбоносного поединка мастер Дренг проводил опыты, стараясь снять Заклятие Уз, сковавшее волю Девлина. Он дошел до того, что наложил простой вариант заклинания на собак, чтобы попытаться снять чары хотя бы с них. Когда Девлин узнал, что погибло уже три пса, он запретил проводить подобные эксперименты. Бессловесные твари не заслужили подобной судьбы. Как и ни одно живое существо вообще.

– Ладно, это заклинание и не в его власти, но, может быть, ключ к такой магии сумеет отыскать кто-нибудь, занимающийся другой отраслью тайных искусств. У моей матери есть родственники в Сельварате, она могла бы подобрать колдуна, которому можно доверять.

– Нет. – Девлин инстинктивно отверг предложение. Хватит и того, что его друзья знают о Заклятии, о том, что оно держит его, как ошейник – раба. Необязательно разделять свой позор с чужаками. – Нет, спасибо, мне не нужна их помощь. Я выдержу то, что должен, как все, кто был до меня.

Ветер усилился, неся с собой первые брызги дождя. Тяжелые капли оставили мокрые пятна на каменной стене, меховая оторочка плаща Сольвейг заблестела от воды.

– Уже поздно, и говорить здесь больше не о чем. Ступай к Стивену, он будет рад твоему обществу, – проговорил Девлин.

Сольвейг кивнула, а потом шагнула вперед и обняла воина, будто он был одним из ее братьев. Избранный неловко ответил ей тем же.

— Желаю тебе счастливого пути и скорого возвращения.

Потом она отпустила его и, развернувшись, отправилась к караульной башне по узкой галерее. Девлин посмотрел ей вслед и отправился в противоположном направлении. Он поздоровался с каждым из стражников по имени, призывая их быть начеку. Глупость, конечно, но он хотел обойти все в последний раз, убедиться, что замок в относительной безопасности. После обхода укреплений поводов оттягивать возвращение во дворец больше не осталось – пора было встретиться с теми, кто ждал его внутри.

Свернув в коридор, который вел к его покоям, Девлин с удивлением увидел у двери охрану. Приблизившись, он узнал Сигни, одну из тех, кто ездил с ним весной в Коринт. Она отдала честь, хлопнув себя по плечу правой рукой.

– Избранный, – проговорила женщина, уважительно кивнув.

Девлин обратил внимание, что на поясе у нее висит меч, которым вооружались патрулирующие город стражники, а не члены почетного караула – в последнем случае обычно брали копьё.

– Сигни. Чем я обязан такой честью?

– Меня поставил сюда лейтенант Дидрик, отдав приказ, чтобы в коридоре не было беспорядков, – ответила стражница.

– И что, много было беспорядков?

– Несколько. – Сигни слегка улыбнулась. – Потребовалось немного потрудиться, чтобы убедить их, что я не шучу, и меч неплохо помог.

Девлин рассмеялся, жалея, что пропустил такое зрелище. Несомненно, придворные и их слуги удивились, с каким энтузиазмом воительница выполняет приказы. Стража считала Избранного во многом своим человеком и ревностно охраняла. Он был благодарен Сигни за то, что ее присутствие избавило его от общения с дураками, которые заняли бы последние несколько часов нудными просьбами.

– Лейтенант Дидрик внутри, – добавила стражница.

– И пусть нас никто не тревожит.

– Как прикажете, – отозвалась Сигни и распахнула перед Избранным дверь.

Девлин вошел в переднюю и затворил за собой тяжелые створки.

За столом сидел Дидрик, черкающий что-то на листе пергамента. Перед ним лежала аккуратно сложенная стопка писем, а в корзине рядом громоздились свитки.

– Я начал опасаться, что ты уехал в гордом одиночестве, – проговорил лейтенант. Говорил он небрежно, но в глазах читалось беспокойство.

– Я должен был подумать, – сказал Девлин, стягивая перчатки и расстегивая промокший плащ. Он повесил плащ рядом с камином и пристроил перчатки на специальные крючки, чтобы они успели высохнуть до утра. Потом воин встал у огня, потирая руки и глядя, как они розовеют от приливающей крови. Стужа постепенно выходила из озябшего тела.

Девлин позволил себе постоять так немного, наслаждаясь теплом, а потом развернулся к своему помощнику.

– Поставить стража было хорошей идеей.

– Посыльные сновали туда-сюда весь день, – отозвался Дидрик, указав взмахом правой руки на корзину, в которой лежало не меньше пары дюжин перевязанных лентами свитков.

– Что-нибудь важное?

Дидрик покачал головой.

– У меня не было времени прочитать все, но я догадываюсь, о чем там речь. Они желают тебе счастливого пути и дают бесполезные советы. Союзники надеются, что ты вернешься быстро и с победой. Враги радуются твоему отъезду и убеждают заняться поисками с большой тщательностью, что означает – держись подальше от столицы и постарайся сгинуть в пути. Те же, кто занял выжидательную позицию, желают тебе успеха, чтобы ты запомнил их как друзей, если все же достигнешь цели.

– Тогда поступи с ними как считаешь нужным. – Девлину вовсе не хотелось читать письма самому. За четыре месяца, в течение которых Дидрик был личным помощником Девлина, у лейтенанта развилось чутье на важные и не важные документы.

Воин бросил взгляд на открытую дверь, которая вела в его спальню. Возле кровати валялись две полные седельные сумки, а третья лежала на окованном сундуке, словно дожидаясь, не захочет ли Девлин взять с собой что-нибудь еще.

– Все приготовления сделаны? – спросил он.

– Да. В третий час после рассвета через южные ворота из города выедет карета с королевским гербом и багажом. Ее будут сопровождать шестеро всадников из королевской армии. Они проводят ее до Денвира.

– А остальное? Коней уже отвели в стойло за «Поющей рыбой»?

– Да. Мы встречаемся там со Стивенем за час до рассвета.

– Отлично.

Карета была уловкой, призванной отвлечь внимание тех, кто может наблюдать за отъездом Избранного и планировать засаду на его пути. И когда все глаза обратятся ко дворцу, Девлин и его друзья уже будут в дороге, благополучно выехав из города через восточные ворота.

Они отправлялись в путь почти налегке, сменив парадную форму на скромную одежду путешественников. Таким образом странники надеялись сбить возможных убийц со следа.

Конечно, уловка примитивнейшая, но на этом и строился план. Если повезет, никто и не подумает, что друзья понадеются на такой простой трюк. А каждая лига, отделяющая их от преследователей, усложняет погоню. В худшем случае у них будет несколько часов форы, в лучшем – и вовсе удастся скрыться незамеченными.

Если, конечно, враги не сочтут, что следить за ними нет причин. В конце концов Девлин делает именно то, что они хотят. Быть может, недоброжелатели удовлетворятся его отъездом.

Дидрик закончил писать и положил ручку на металлическую подставку. Потом он вынул пергамент из деревянной рамы и бросил его на стопку точно таких же документов слева.

– Теперь надо завизировать эти приказы, – сообщил лейтенант.

Девлин подавил грустный вздох. До того, как стать генералом, воин наивно полагал, что глава королевской армии проводит все дни, готовясь к сражениям и осматривая укрепления. Но очень скоро он понял, что бумажная работа – настоящее проклятие армии, и любые документы в итоге оказывались на его столе. Со многих точек зрения он был не более чем прославленным клерком.

Генерал занял место за столом, и Дидрик положил перед ним стопку документов. Взяв ручку левой рукой, Девлин обмакнул ее в чернила и осторожно зажал двумя здоровыми пальцами искалеченной правой. Перед тем как нацарапать внизу свое имя, он торопливо просматривал текст. Подписанные пергаменты передавались Дидрику, который складывал их и ставил печать, указывавшую на то, что приказы происходят от генерала королевской армии.

Всего распоряжений оказалась дюжина, а речь в них шла обо всем, начиная от припасов для западных гарнизонов до призыва к молодым женщинам и мужчинам вступать в ряды королевской армии, дабы защитить страну в смутные времена.

– Есть еще один, – проговорил Дидрик, беря в руки лист, ранее отложенный в сторону. – Ты все же решился назначить майора Миккельсона действующим маршалом?

Девлин покачал головой.

– Мне очень хотелось бы, но ты все же прав. Он слишком недавно получил новое звание, и прочие командиры не последуют за человеком, который лишь шесть месяцев назад был простым капралом.

Офицерский состав королевской армии издавна формировался за счет политических связей. Благородное происхождение и влиятельные родственники имели куда большее значение, чем военное искусство. Девлин пытался изменить этот порядок, однако есть пределы тому, насколько можно потрясти самые основы армии, ожидая при этом, что она будет повиноваться по-прежнему.

– Кроме того, Миккельсон нужен мне в Коринте. Я уверен, что летнее вторжение было всего лишь проверкой нашей боеготовности. У противника оказалось слишком мало войск, чтобы всерьез ожидать успеха. Если дело дойдет до настоящего наступления, то оно начнется весной. Майору хватит дел зимой – надо будет обучать солдат и укреплять оборону берегов.

– Тогда кто же станет маршалом?

– Командир гарнизона Эрильд Олваррсон. Он может похвалиться и высоким званием, и семнадцатью поколениями благородных предков. Прочие командиры последуют за ним.

Единственным недостатком Эрильда Олваррсона можно было счесть нехватку инициативности. С другой стороны, по этой причине стоит надеяться, что он оставит вверенную ему армию такой, как она есть. Не будет предпринимать смелых шагов с целью укрепить оборону королевства, но не будет и мешать реформам, проведенным Девлином.

– Кроме того, его жена происходит из Рингштадта. Поэтому если вторжение направится в эту сторону, можно надеяться, что он захочет защитить ее родину и отправит туда войска, – добавил Дидрик.

– Что ж, да будет так, – заявил Девлин. – Хотя если нам повезет, удастся вернуться до весны.

Ему оставалось лишь верить в это. Потому что иначе он покидал в час нужды людей, которых он поклялся защищать, оставил их на произвол судьбы. Избранный решил, что отыщет проклятый меч и вернется вовремя, чтобы возглавить оборону Джорска от любых захватчиков, осмелившихся нарушить покой королевства.

Девлин взял приказ и вписал сверху имя Эрильда Олваррсона, назначая его действующей главой королевской армии в отсутствие Девлина. Потом он подписал пергамент, сложил его вдвое и скрепил восковой печатью.

– Ну вот, – заметил он, – теперь все, что мы не сделали, окажется головной болью Олваррсона, а не нашей.

– Я еще нужен?

– Нет, иди. Тебе и самому надо собраться и попрощаться с близкими.

Дидрик поднялся.

– Я приказал ночному караулу разбудить нас за два часа до рассвета.

– Тогда до встречи.

Когда лейтенант ушел, Девлин поужинал в одиночестве. Мысли его бродили далеко. Теперь, когда момент отъезда приблизился, воину не сиделось на месте. Слуга убрал остатки трапезы, оставив бутылку редкого мирканского вина, подарок лорда Рикарда. Девлин не приоткрыл к хмельному напитку, а вместо этого еще раз просмотрел свои вещи, дабы убедиться, что не забыл ничего.

Конечно, такая тщательность была излишней. В конце концов он не был больше бедным путешественником. На поясе висел тяжелый кошель на необходимые расходы, а как Избранный он мог взять все, что ему потребуется. Королевская сокровищница обязана возместить расходы тех, кому выпала сомнительная честь выполнять приказы Девлина. Но старые привычки не спешили умирать, и воин предпочитал быть самостоятельным в пути, а не зависеть от других.

Убедившись, что все в порядке, Девлин наконец-то занялся оружием. Он вынул большую секиру из кожаного чехла и осмотрел ее. Та оказалась острой, на блестящей стали не виднелось ни пятнышка ржавчины, так что воин просто смазал ее маслом и снова убрал в чехол.

Потом пришел черед метательных ножей. Хотя Девлин чистил их всего лишь неделю назад после тренировки, он внимательно осмотрел оба клинка, прежде чем бережно завернуть их в кожу. Пара наручных ножен была следующим делом. Одни из них он положил на шкаф, чтобы надеть с утра. Другие же... Он повертел их в руке, пытаясь понять, не обманывает ли себя. Левая рука осталась столь же меткой, но искалеченная правая не могла направлять удары с прежней точностью. Может быть, прежнего искусства не вернуть, и глупо тащить с собой нечто совершенно ненужное. Девлин понимал это, и все же засунул вторые ножи в открытую седельную сумку.

Наконец настало время и длинного меча, висящего на почетном месте на стене. Этот меч вручила воину капитан Драккен, именно этот клинок оборвал жизнь герцога Джерарда. Меч сослужил хорошую службу, хотя если поход закончится удачей, его сменит оружие более сомнительного происхождения.

Девлин снял меч со стены и вытащил из ножен. Подойдя к рабочему столу, он повертел клинок в свете лампы и провел пальцами левой руки по лезвию. Как он и подозревал, обнаружилось несколько зазубрин, следов последней позорной тренировки. Положив клинок на край стола и прижав правой рукой, воин прошелся по стали точильным камнем, держа его левой. Работа успокаивала, напоминая о тех славных и простых временах, когда амбиции Девлина не выходили за пределы стен кузницы.

Стук в дверь отвлек бывшего кузнеца от размышлений. Подняв голову, он увидел в дверях Сигни.

– Брат Арни просит уделить ему время, сэр, – проговорила она.

Девлин кивнул, положил точильный камень и поднялся на ноги.

Когда брат Арни появился в дверном проеме, воин увидел, что на священнике роскошная вышитая золотом одежда, которую тот берег для очень больших праздников.

– Добро пожаловать, – несколько формально приветствовал его Девлин.

– Я знаю, что уже поздно, Избранный, но я не мог отправиться отдыхать, прежде чем не узнаю ваши пожелания, – проговорил брат Арни, нервно дернув головой. – Я ждал сегодня целый день, что вы придете испросить благословения на путешествие. Когда вы не появились, я решил, что вы решили посетить службу на рассвете, но все же захотел убедиться. Я отправил вам сообщение, однако не получил ответа...

– Понятно. – Несомненно, послание брата Арни оказалось среди свитков, небрежно отложенных в сторону. – Благодарю вас за заботу, – ответил Девлин, тщательно подбирая слова. Этот человек помог спасти ему жизнь и пользовался уважением воина. Только ни лгать Арни, ни тем более изображать почтение к Богам, которых нет, Избранный не собирался.

– Значит, я увижу вас на утренней службе? Я знаю, что многие будут рады вместе с вами испросить благословение Богов.

У Девлина невольно дернулся рот. Он не хотел принимать в этом никакого участия.

– Я не буду просить о благословении. Помолитесь за меня, если хотите, и все же я не буду говорить с вашими Богами.

Брат Арни непонимающе нахмурился.

– Они же и ваши Боги. Боги обоих наших народов. Вы приносили клятву служить во имя Владыки Канжти.

Девлин почувствовал такую горечь, что не смог оставаться на месте. Он подошел столику, взял бутылку вина и вытащил пробку.

– Выпьете? – Не дожидаясь ответа, он наполнил два кубка, вручил один священнику, а сам, взяв другой, опустился в кресло у огня.

Брат Арни поспешно сел в кресло напротив и глотнул вина, прежде чем отставить кубок в сторону.

Девлин тоже отпил терпкой жидкости.

– Прошу, не расцените мои слова как проявление враждебности, – проговорил он. – Я уважаю вас и очень признателен за поддержку, которую вы мне оказали. Но я не буду просить Богов о милости. Они и так слишком много вмешивались в мою жизнь. Надеюсь, я прояснил мою позицию?

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

Воин осушил бокал, и дорогое вино показалось ему водой с уксусом. Потом он тоже отставил кубок и провел рукой по волосам, собираясь с мыслями.

– Брат, скажите мне: как вы полагаете, чтят ли Боги ваше королевство превыше всех других? Есть ли причины, по которым Джорск для них особенно важен?

Этот вопрос преследовал Девлина с тех пор, как он увидел проклятый портрет и понял, что все это время знал, где можно отыскать мифический Сияющий Меч. Именно тогда ему в полной мере открылась злая шутка, которую сыграла с ним судьба.

И в этот же момент он окончательно понял, что на нем лежит проклятие Богов, которые сделали его простой пешкой в своих играх.

Брат Арни ответил без малейших колебаний:

– Семеро делятся благодатью со всеми, кто почитает их и старается вести праведную жизнь. Ни одна страна не находится у них в особенной милости, хотя те, кто отвернулся от них, безусловно, пострадают за свое предательство.

– Вот и я некогда так думал, – сказал Девлин. – Но вы ведь также верите, что Избранного посылают Боги, верно?

– Разумеется. Правда, некоторые сомневались, когда вас только призвали к служению. Впрочем, вскоре они заплатились за свои сомнения.

Священник счастливо улыбнулся, вспомнив, как смог доказать веру в Богов, которым он служил всю жизнь.

– Я не считал себя богоизбранным, – негромко проговорил Девлин, не сводя взгляда с танцующих языков пламени. – Я стал Избранным, потому что мне нужны были деньги и я хотел умереть. И только позже я осознал, что в моей жизни все еще есть цель, что я могу защитить тех, кому поклялся служить.

– Сердце у вас всегда было доброе, даже когда в голове царил хаос. Боги знали об этом, потому и призвали вас.

– Разве? Богов не интересует мое сердце. Они призвали меня не затем, чтобы своей силой и разумом я защитил невиновных. Меня выбрали, чтобы я мог принести проклятый меч, который ваши люди так безрассудно потеряли.

– Я не понимаю, – сказал брат Арни.

Разумеется, не понимает. Священник видит только свет и не замечает черных теней. Для него быть Избранным – лишь славное призвание. Он даже понятия не имеет, как Боги исказили жизнь Девлина и его семьи, чтобы сделать из него то, что им нужно.

На кончике языка вертелись очень злые слова, но Избранный проглотил их. Перед ним не его враг. Брат Арни не виноват в том, что случилось с Девлином. И не его вина, что Боги, которым он верно служит, недостойны такой веры.

Брат Арни пристально посмотрел на Избранного, потом вздохнул.

– Я буду молиться за вас.

– Поступайте, как считаете должным, и я буду делать точно так же.

V

Они выехали из Кинсхольма на рассвете. Чтобы не привлекать внимание возможных преследователей, не было ни провожающих, ни особых церемоний. Даже стражам у восточных ворот было приказано не отдавать формального приветствия, чтобы отряд Девлина смог смешаться с другими путниками, торопящимися домой до наступления зимы.

Нильс Дидрик принялся разминать руки в кожаных перчатках для верховой езды, пытаясь согреть их. Он явно чувствовал дыхание зимы. Серые тучи над головой грозили дождем, а камни мостовой под копытами коней покрылись инеем. Не самая добрая примета для начала путешествия. Очень скоро облака принесут снег и лед. А вот где же тогда будут усталые путники?..

Холод на улице вполне соответствовал ледяному молчанию, царившему в небольшом отряде. Девлин сказал не более десятка слов, когда они готовились к отъезду, и с тех пор – ничего. Даже всегда жизнерадостный Стивен воздержался от своего обычного трепа из уважения к мрачному настроению предводителя.

На улицах же, напротив, былолюдно и шумно. Фермеры приветствовали друг друга, везя полные тачки или въезжая на груженных телегах с остатками урожая, чтобы продать их на рынке в Кингсхольме. Рабочие и служащие, живущие за пределами городских стен, болтали меж собой, отправляясь по делам. Куда менее мощный поток путешественников тянулся на восток. Яркие одетые посланники на лошадях, везущие письма знати. Может статься, здесь была даже парочка придворных, задержавшихся в столице и стремящихся вернуться домой до первых снегов.

Дидрик внимательно вглядывался в толпу, хотя и не замечал ничего необычного. Обернувшись, он увидел лишь Стивена в нескольких шагах от себя, ведущего в поводу вьючную лошадь. Все, казалось, идет как надо, но офицер не мог отделаться от чувства тревоги.

Глубоко вздохнув, лейтенант велел себе перестать нервничать. Они еще находились неподалеку от внешних стен, в пределах которых нечего страшиться. Причин для беспокойства нет.

И все же он не мог не бояться. До прошлой весны ему не случалось оказываться за пределами десятка лиг от Кингсхольма. А теперь придется проехать через все королевство в Дикие земли Дункейра. В места, где люди говорят на другом языке, а опасность может явиться в незнакомом ему облике, так что и распознать ее не удастся, пока не станет слишком поздно.

Прошлой весной у него хотя бы был отряд верных стражей во главе с Миккельсоном и пусть несколько сомнительное, но все же прикрытие королевской армии. Два десятка клинков обеспечивали безопасность Избранного, и то они едва не сплеховали. А на сей раз он один. Хотя никто не усомнится в храбрости Стивена, в душе тот менестрель. Ему не хватает инстинктов, позволяющих почувствовать опасность или настроение враждебной толпы. В сражении Стивен может хорошо себя показать, однако его легко застать врасплох.

Кроме того, есть проблемы и с самим Девлином. У него инстинкты воина и врожденная осторожность, которая уже не раз спасала ему жизнь. Только это было до дуэли, на которой воину искалечили руку. И до того, как проклятая картина ввергла его в бездну черного отчаяния. Теперь, если на Девлина нападет наемный убийца, он вполне может с радостью принять смерть.

А долг Дидрика – охранять Избранного, пусть даже вопреки его желанию. Это поручение лейтенант не доверил бы никому. И все же невольно он желал, чтобы ему позволили взять с собой хотя бы одного верного стражника. Чтобы тот прикрывал им спину. Ведь даже величайшим из воинов хочется спать.

– За нами следят, – проговорил Девлин, пробуждая Дидрика от размышлений. – Я насчитал троих. Один едет перед нами, а за нашей спиной двое фермеров на телеге.

Девлин остановил коня, и лейтенант вынужденно натянул поводья. Обернувшись, Дидрик взгляделся в толпу, заполонившую улицу за ними. Телегу разглядеть удалось, а сидящего на козлах – нет, так что пришлось привстать в стременах. Через некоторое время толпа расступилась, и возница стал виден.

– Всадник перед нами – это Бехра, я узнал его силуэт и позорную посадку на коне. А вот что это за парочка позади? Твои люди? Или чьи-то еще? – спросил Девлин. В голосе звучало лишь любопытство, но Дидрик понимал, что его ждут неприятности.

Ну по крайней мере с наблюдательностью у Девлина все в порядке.

– Наши.

Стивен поравнялся с ними, и Избранный жестом велел ему выехать вперед.

– Я приказал, чтобы у нас не было эскорта, – проговорил Девлин. – Я неясно выразился? Или ты решил, что можешь больше не слушаться моих приказов?

Дидрик нервно сглотнул.

– Это не эскорт. Им приказано следовать за нами сегодня, чтобы попытаться выяснить, не интересуется ли кто-нибудь нашим отъездом. Если все будет в порядке, завтра они вернуться в столицу.

– И чья это была идея?

– Моя, – ответил Дидрик. Он знал, что лгать Избранному бесполезно. – Капитан Драккен одобрила. В качестве предосторожности.

Девлин покачал головой.

– Если я заметил наблюдателей, заметят и другие. А что до риска, так если кто-то и вправду следит за нами, вряд ли они сделают глупость и нанесут удар здесь, пока мы находимся в пределах видимости стен Кингсхольма.

– Они не смогут напасть, если потеряют след, – возразил Дидрик. – И чем больше расстояние между нами и Кингсхольмом, тем труднее снова отыскать нас.

– В таком случае им останется лишь отправиться в Дункейр. Через горы ведет лишь несколько проходов. Если поставить на всех наблюдателей, нас будет несложно найти. Пока же мы здесь, они не станут нападать.

«Мне бы его уверенность», – подумал Дидрик.

– А почему?

– Этот поход – подарок моим врагам. Им удалось убрать меня с пути, не пролив ни единой капли крови. Я куда полезнее для них в роли дурака, отправившегося на бесполезные поиски. Если же я погибну, из меня можно сделать мученика. Они не захотят рисковать, убивая Избранного. По крайней мере пока я достаточно близко от столицы, чтобы об этом можно было узнать.

– А когда мы доберемся до твоей родины?

– Дункейр – другое дело. – Девлин посмотрел на едущего впереди Стивена. – Для кейрийцев жизнь нашего менестреля священна. Нам же с тобой нельзя терять бдительности. Если мне удастся вернуть меч, мы окажемся в большой опасности. Найдется немало людей и в вашем, и в моем народе, которые не пожелают возвращения Сияющего Меча в Джорск.

Это не приходило Дидрику в голову. Он думал только о том, как бы добраться до Дункейра и отыскать утерянный клинок. Ему было известно о многих врагах, которых Девлин нажил в Джорске и в странах, пытающихся покорить королевство. Оказывается, неприятелей ему хватает и в его собственной земле.

– Может быть, ты забыл еще о чем-нибудь мне рассказать? – начал Девлин. – Потому что если я узнаю, что ты меня обманул...

– Нет, – твердо выговорил Дидрик. – Клянусь моей присягой, никакого обмана я не замыслил. Я приказал наблюдать за нашим отъездом, но это все. Остальное тебе известно.

Девлин встретился взглядом со своим помощником, и тот заставил себя спокойно посмотреть в глаза Избранному. Потом воин кивнул, и Дидрик понял, что ему поверили.

– Преступи мою волю еще раз – и мигом отправишься обратно, – посулил Девлин.

– Понимаю, – отозвался лейтенант. Однако обещать, что никогда не ослушается приказа своего начальника, он не стал. В конце концов, его забота – безопасность Избранного. Так что придется защищать Девлина – в том числе от самого себя.

Страхи Дидрика оказались необоснованными, и первый день пути прошел без приключений. Стражи вернулись обратно в столицу. Лейтенант не терял бдительности, хотя и не заметил, что кто-то следит за ними. Это, впрочем, не означало, будто опасности нет. Напротив, недруги могли отправить вперед вестников, чтобы подготовить засаду. Впрочем, судя по всему, Избранный был прав, предполагая, что вблизи от Кингсхольма ничего не случится.

Девлин по-прежнему держался замкнуто, обращаясь к Дидрику только по необходимости. Сначала лейтенант подозревал, что Избранный не простил ему нарушения приказа насчет эскорта, но потом подметил, что со Стивеном тот обращается с той же холодностью. Сложно сказать, обижался менестрель или нет; в любом случае он оставался неизменно жизнерадостен.

В отличие от их прошлого путешествия Девлин не настаивал на том, чтобы продолжать движение после захода солнца и отправляться в путь еще затемно. И все же чувство, что следует торопиться, не покидало друзей, и в любую погоду они выезжали с рассветом и редко останавливались до темноты.

Начало пути проходило по одной из основных южных дорог, по которой много ездили, и даже в самых маленьких деревнях была гостиница, готовая приютить путников. В больших городах трактирщики, привыкшие к благородным гостям, спокойно относились к приезду Избранного. А вот в деревушках он производил фурор, и хозяева гостиниц старались предложить прославленному лорду самое лучшее. Дидрику постоянно приходилось убеждать их, что Девлин предпочитает простоту и не любит церемонии.

Сегодня они двигались куда медленнее из-за сильного дождя и с наступлением ночи разбили лагерь неподалеку от дороги. Луна спряталась за тучи, и продолжать путь во тьме было слишком опасно. Дидрик напоил коней в маленьком ручейке и задал им зерна, пока Стивен с Девлином ставили палатку. Хоть и не без труда, но их предводителю удалось развести костерок на опушке, вскипятить воду и сделать горячую каву, чтобы было чем запить вяленое мясо и сыр.

Когда дождь прекратился, путники уселись вокруг костра и принялись за еду.

Стивен прислонился спиной к дереву, вытянув ноги в сторону костра. В правой руке он держал сыр. Поглядев на него с некоторой тоской и вздохнув, менестрель откусил кусок.

– Разбаловался ты от ночевки в гостиницах, – заметил Дидрик, улыбаясь. – Забыл, что значит путешествовать по диким местам.

Честно говоря, и сам Дидрик отнюдь не радовался еде всухомятку, но прожевал свою долю без лишних жалоб. Равно как и Девлин. Неожиданно лейтенант подумал, что тот вообще никогда не жаловался на пищу. Совсем никогда.

Было известно, что Избранный очень любит эль из Дункейра и презирает большинство вин. Впрочем, если он и находил джорскианскую еду такой же странной, как и напитки, то никогда об этом не говорил.

– Мне приходилось путешествовать в куда более тяжелых условиях, – заметил Стивен. – А прошлой весной, когда мы отправились в Коринт, разве хоть слово жалобы сорвалось с моих уст? Я даже ел стряпню Ольги, что немалое испытание для любого человека.

Дидрик невольно сглотнул, припомнив странную, жирную, полусырую, полупригоревшую еду. По походным правилам полагалось готовить по очереди, однако Ольга была примером того, почему из каждого правила должны быть исключения.

– И я не вижу причин, почему бы не останавливаться в гостиницах, раз уж провидение расположило их на нашем пути. А также почему не предпочитать горячую еду холодной, – продолжал Стивен.

– Здесь по крайней мере нас никто не беспокоит, – в первый раз за вечер заговорил Девлин. – Не являются толпы любопытных, не раболепствуют слуги, прислушивающиеся к каждому твоему слову с открытым ртом, так что вскоре становится невозможно думать.

– Ну нельзя же их винить. Разве часто таким городкам выпадает случай принимать в гостях героя? – спросил Стивен.

Дидрик поморщился, зная, как не любит Девлин, когда ему напоминают о подвигах.

– И за это я могу винить только твоих собратьев, – сказал воин. – Если я еще раз услышу, как дети на улицах расппевают про то, как рука Хаакона направляла клинок...

– Я не имею к этому никакого отношения, – возразил Стивен, возводя к небу руки. – Эта песня плохо написана. Рифмы едва прослеживаются, хотя мелодия легко запоминается. Если бы я взялся писать песню про поединок...

– Мне случалось слышать твои сочинения, – продолжал Девлин, едва заметно улыбаясь. – Какие там были слова? Сердце волка? Мужество львицы?

Стивен вспыхнул и опустил лицо.

– У меня есть куда лучшие.

– И будет еще немало. Но только не про меня. – Избранный обернулся к Дидрику и спросил: – Сколько лиг мы сегодня проехали? Четыре?

– Ближе к пяти, – отозвался тот. Как королевский тракт, Южная дорога была вымощена камнем, что было настоящим благословением для путников. Даже сегодняшней дождь не особо сильно замедлил друзей. Они собирались преодолеть шесть лиг и, несмотря на непогоду, проехали почти пять. Настоящие сложности ожидают впереди, где придется свернуть с королевского тракта и двинуться по проселочным дорогам, которые раскисают от дождя, превращаясь в сплошную грязь. Стоит ударить холодам, и колеи покрываются корочкой льда так, что и всаднику, и лошади приходится проявлять величайшую осторожность.

Но сегодня не стоило беспокоиться об этом. Пока ясно, что следует делать.

– Я, пожалуй, лягу, – сказал Дидрик. – Стивен, ты разбудишь меня ко второй страже?

– Сегодня и я могу побыть вторым. Необязательно тебе всегда брать охрану на себя, – предложил менестрель.

– Я привык, – отозвался лейтенант.

Непросто караулить ночью, если путников всего трое. В длинном походе, когда днем не делаются передышки, укороченная ночь начинает изматывать путешественников, высасывая силы и лишая рассудительности. Ночуя в гостиницах, друзья выспались, однако Дидрик слишком привык жить в городе, чтобы чувствовать себя спокойно под открытым небом. В диких местах путников неизбежно подстерегают опасности. Грабители не прочь поживиться за счет неосторожных, да и звери не особенно любят людей. Надо быть настороже, решил лейтенант, и Девлин с ним согласился.

У них уже выработался определенный порядок. Стивен брал на себя первое дежурство, обычно самое простое. Вторая стража была наиболее сложной, поскольку приходилось вставать, поспав пару часов, потом бдеть и еще раз ненадолго смыкать глаза, перед тем как отправиться в путь. К счастью, годы службы в рядах королевской стражи позволили Дидрику привыкнуть к ночным дежурствам и выработали у него привычку спать когда и где можно.

Девлину доставалось последнее дежурство, в темные предутренние часы, когда в мире царил тишина. Он сам выбрал его, может быть, потому, что ему нравилось одиночество бодрствующего, когда все вокруг спят.

Дидрик нырнул в низкую палатку, сел на вещи, стянул сапоги и положил меч так, чтобы до него можно было легко дотянуться. Потом он завернулся в заранее расстеленное одеяло. Снаружи донесся звон посуды – кто-то убирал остатки еды.

Устраиваясь поудобнее, чтобы заснуть, он услышал голос Стивена:

– Девлин, можно задать тебе вопрос?

Несколько мгновений тишины, а потом воин сказал, явно присев на землю:

– Задавай, и там видно будет, отвечу я или нет.

– Историю о захвате Дункейра я узнал, когда был еще мальчишкой, запомнил песни, дошедшие до нашего времени. Мне никогда не приходило в голову сомневаться в них. До этого момента.

Стивен говорил негромко, так что Дидрику пришлось напрячь слух.

– И? – резко спросил Девлин.

– Ты говоришь, что дорога будет непростой, и я невольно задумался: как принц Торвальд и лорд Зеймунд умудрились провести целую армию через границу в горы, не встретив серьезного сопротивления? И почему твой народ так быстро сдался? Кажется, только Иннис дал отпор врагу. Чем больше я об этом думаю, тем меньше понимаю, как подобное могло случиться. Ты бы не опустил руки настолько скоро.

– Не стоит судить весь народ по одному человеку, – отозвался Девлин.

– Может быть. Но кейрийцы наверняка описывают завоевание по-другому. Ведь я прав?

– Да.

– Ты не расскажешь мне, как было дело? Или мне придется ждать до Дункейра, чтобы узнать правду из уст незнакомцев?

Последовала тишина, и как только Дидрик решил, что Девлин не собирается отвечать, тот заговорил:

– У нас правят совсем не так, как у вас. Точнее, правили. – Голос воина был негромким и звучным. – Главы знатных семейств собирались раз в семь лет, чтобы избрать одного из них всеобщим правителем. В те дни царила королева Изобель Белоплечая. Ее семья долго ждала, пока одна из их рода будет наречена высокой королевой. Они наслаждались обретенным почетом, а Изобель правила достаточно мудро и через семь лет была избрана повторно. На сей раз власть ударила ей в голову, и, злоупотребляя своими полномочиями, она приобрела немало врагов. Когда приблизился конец второго срока царствования, все понимали, что Изобель больше не выберут.

– И тогда произошло вторжение, – предположил Стивен.

– Нет, тогда Изобель пригласила иноземную армию, – возразил Девлин. – Она назвала ее мирным посольством, прибывшим обсудить совместный поход через Бескрайние горы, чтобы исследовать легендарные земли по ту сторону. Жители Альварена украсили ворота, растворили двери и поняли правду слишком поздно. Они сами впустили врага. Изобель приветствовала своих тайных союзников и приказала кейрийцам подчиниться новым господам. Низины быстро пали, потому что река не в силах остановить армию. Горный народ сопротивлялся дольше. Иннис был на юге и успел получить вести о вторжении до того, как враг приблизился. Горожане вступили в бой, и их судьба тебе известна.

– Неужели не было сопротивления? А что случилось с людьми, бежавшими от захватчиков или отправившимися в горы? Не мог же Иннис быть единственным городом, взявшим в руки оружие?

– Армия укрепила границы, и когда войска отправились занимать города и села, большинство сдалось. Что же до сопротивления, у нас были куда более важные дела. Может, джорскианцы и вторглись в наши земли, но все знали – в случившемся виновата Изобель.

– Что произошло?

– Ее убили, когда не прошло и недели с того момента, как она приветствовала принца Торвальда в Альварене. Знатные семьи объявили кровную месть ей и ее роду, и воцарился хаос. У нас не было времени сражаться с джорскианцами, потому что все резали друг друга. Это продолжалось до тех пор, пока не осталось в живых никого, кто был в родстве с Изобель.

– Ни одного человека? – удивленно переспросил Стивен.

– Ни близких, ни далеких родичей, ни даже детей кузины ее кузины. Все были убиты, от младенцев до стариков. Многие знатные семьи потеряли в этой усобице своих родичей. С обеих сторон погибли сотни. И теперь у нас шесть знатных семей вместо семи.

Дидрик невольно вздрогнул, лежа под одеялом. Такая кровная месть превосходила все, что он только мог представить. Продолжать усобицу долгие годы – сколько же требуется ненависти и непоколебимой решимости? Еще лейтенанту стало не по себе от осознания того, что и Девлин способен на такое возмездие. Избранный уже безжалостно пожертвовал собственной рукой, чтобы сразить врага.

Один такой человек опасен. Целая провинция, разделяющая взгляды Девлина, – сущий ночной кошмар. И все же они отправляются именно туда.

Дидрик задумался о том, какие еще сюрпризы готовит для него Дункейр.

VI

Судя по всему, Стивена потрясла история о том, как Изобель встретила свою смерть. Во всяком случае, больше вопросов он не задавал. Девлин допил каву и пожелал менестрелю доброй ночи, затем заполз в низкую палатку через узкий вход и завернулся в одеяло. Увы, сон не спешил прийти. Вместо этого воин лежал и слушал ровное дыхание Дидрика и потрескивание огня в костре, который, судя по всему, немного поворошил менестрель. Избранному показалось, что не успел он сомкнуть глаз, как пробудился от шепота Стивена, поднимающего лейтенанта на дежурство. И хотя музыкант заснул очень быстро, Девлину не удавалось даже задремать.

Он попытался приказать себе спать, но тело не слушалось, и пришлось оставить эту мысль. Девлин медленно сел, стараясь не разбудить Стивена неосторожным движением, натянул сапоги, потом прихватил плащ. Приподняв левой рукой секиру, он вылез из палатки.

Дидрик удивленно посмотрел на показавшегося воина.

– До твоего дежурства еще несколько часов, – проговорил он. Хотя звезды скрылись за облаками, долгие годы службы в королевской страже выработали у Дидрика чувство точного времени, даже если не видно ни солнца, ни звезд.

– Мне не спится, – объяснил Девлин. – Что толку нам обоим бодрствовать? Лучше ты отдохнешь, пока есть возможность.

Дидрик нахмурился, явно собираясь возразить, но потом, очевидно, передумал.

– Стивен сказал, что кони беспокоились. Может, волка почуяли, – проговорил он нарочито бесстрастно. – А совсем недавно я слышал шуршание в кустах. Какой-нибудь зверь, может быть, олень.

Скорее всего это был просто суслик, возвращающийся к себе в норку после вечерней кормежки. На рыночной площади Дидрик мог с первого взгляда углядеть в толпе карманника, а вот его знание леса оставляло желать лучшего. Такими ночами, как сегодняшняя, когда порывы ветра шуршат опавшими листьями, трудно отличить звук шагов от прочих шумов.

– Разбуди меня, если устанешь, – спокойно сказал он Девлину.

– Обязательно, – пообещал тот, зная, что ни за что не станет поднимать друга с постели.

Избранный дождался, пока Дидрик не устроится в палатке, потом поднялся и обошел вокруг их маленького лагеря. Полянка была небольшая, не шире ста шагов, одной стороной примыкающая к дороге, с трех других окруженная деревьями. Палатку и костер расположили на краю леса, чтобы ветви могли защитить от дождя. Коней привязали ближе к центру поляны, где они могли пощипать траву, если захочется.

Вокруг царил тишина, и как Девлин ни прислушивался, как ни всматривался, ничего подозрительного не заметил. Он вернулся к поваленному бревну, которое путники положили у костра, и прислонил к нему топор. Воин сел спиной к огню, чтобы хорошо видеть дорогу. Ночами вроде этой легко впасть в забытие, увлекшись созерцанием языков пламени.

Прошел час, следом другой. Когда мышцы начало сводить от холода, Девлин поднялся и еще раз обошел вокруг лагеря. Сидеть без дела было неудобно, руки буквально чесались – хотелось найти себе какое-нибудь занятие. Воин потянулся было к топору, решив осмотреть лезвие, потом передумал. Ночная сырость вряд ли пойдет на пользу металлу, да и при тусклом свете костра подточить его как следует не удастся.

А меч лежит вместе с прочими вещами. Девлин по-прежнему брал его с собой, но скорее по привычке, чем для защиты. Хоть он и тренировался при каждом удобном случае, восстановить старые навыки было непросто. Даже при двуручной хватке покалеченная кисть нетвердо держала рукоять, и очень часто учебный бой оканчивался выбитым из рук клинком. Благодаря

недоужинной силе и бесконечным тренировкам воин снова мог сражаться боевой секирой, а вот с мечом это не получалось.

До Девлина донеслось тихое ржание, и, обернувшись, он заметил, что серый мерин пробудился. Выючная лошадь потянула за веревку, привязанную к колу, и разбудила остальных трех коней. Те начали переминаться и выражать недовольство происходящим.

– Огонек, – укорил мерина Девлин. Конюший уверял, что выючная лошадь – надежное животное, но сейчас она казалась нервной и склонной пугаться теней. Воин поднялся и подошел к лошадям, стараясь успокоить их.

Он погладил мерина по шее, однако тот лишь нервно тряхнул гривой, поводя головой из стороны в сторону.

Девлин полез в карман плаща, чтобы достать мешочек с угощением для лошадей. Когда пальцы нащупали его, легкий ветерок ненадолго стих, и в наступившей тишине раздался отчетливый хруст листвы под стопой человека.

– Дидрик! Стивен! Проснитесь! – закричал воин, поворачиваясь налево. Сквозь деревья на северной стороне полянки он разглядел приближающиеся фигуры.

Девлин развернулся и бросился к костру, кляня себя за глупость. Это надо же – оказаться безоружным!

– Что случилось? – спросил Дидрик.

Времени объяснять не было, поскольку нападающие оставили попытку подобраться незаметно и выскочили на поляну. Двое сразу направились к Девлину.

Тот яростно ухватился за топор. От спешки пальцы стали совсем неловкими, и Избранному едва удалось освободить лезвие секиры от чехла, когда до него добрался первый из нападающих с мечом наготове.

Девлин отбил удар, потом отступил на несколько шагов. Два противника не отставали, расходясь в разные стороны, чтобы с большей легкостью напасть на Избранного.

Раздался звон стали о сталь, и воин увидел, что Дидрик и Стивен выбрались из палатки и схватились с оставшимися двумя воинами. Видимо, те появились с других сторон поляны. Их было четверо против троих, но кто знает, сколько еще врагов таится в лесной тьме?

Самый высокий из двух противников Избранного прыгнул вперед, замахнувшись мечом. Девлин ушел от удара, потом прочертил топором дугу, заставив неприятеля отвести меч в сторону, чтобы секира не расколола изящное лезвие. Не успел Избранный отразить атаку первого мечника, как второй ринулся в бой. Он был левшой и явно не раз тренировался вместе с товарищем – это можно было видеть по точности и слаженности их движений.

Девлин начал потеть, дыхание участилось. Прежде ему не приходилось сражаться сразу с двумя искусными противниками. Секира не самое лучшее оружие против длинных мечей, которыми вооружились недруги. Время от времени они заставляли его отступать, а он не мог пробить их оборону.

Он снова выругал себя. Даже одного метательного ножа могло хватить, чтобы переломить ход битвы в свою пользу. Однако он сваял дурака, и теперь в его распоряжении только секира и собственная ловкость.

Боец по левую руку двинулся вправо, стремясь обойти противника и оказаться у него за спиной. Девлин яростно рубанул топором, потом сделал три шага назад, едва не поскользнувшись на мокрой траве.

Он знал, что приближается к границе леса, поскольку атакующие заставили его отступать через всю поляну. Если он хочет расправиться с этими двумя, необходимо сделать это сейчас. Пока его не приперли к дереву.

Девлин рискнул бросить короткий взгляд через плечо и увидел, что Стивен и Дидрик сражаются каждый со своим противником. Скользящий удар, пришедший в правую руку, вернул

внимание к опасности, грозящей ему самому. Следующий выпад противника удалось отбить плоской стороной секиры.

Это был странный бой, потому что оба противника Девлина не проронили ни слова. Они не поддразнивали соперника, не подбадривали своих товарищей. Разве что особенно удачные выпады отмечались криком.

Молчание и искусство, с которым они сражались вместе, обличало в них не простых бандитов, а скорее наемных убийц. И все же напавшие выбрали очень неразумную тактику. Мечи – оружие для поединков. Вооружись они крепким луком, могли бы убить Девлина еще у костра, где он сидел, не подозревая об их приближении.

Тактика тактикой, но искусства у них хватало с лихвой. Они даже и не думали слабеть, хотя их противник начал потихоньку выдыхаться.

Стивен коротко вскрикнул. Девлин торопливо отступил на два шага и обернулся. Менестрель лежал на земле возле костра его враг – под ним. Ни один из них не шевелился.

Помочь своему другу воин не мог. Равно как и Дидрик. Лейтенант вместе со своим соперником исчез среди деревьев, но по звону стали о сталь можно было понять, что по крайней мере он жив.

Значит, дело за ним. Девлин поднял перед собой топор, чуть ниже, чем надо, словно у него устали руки. Он крутил им все слабее и слабее, тяжело дыша.

Через несколько мгновений после еще одного, вроде как с трудом отбитого удара мечник по правую руку проглотил наживку. Дождавшись, пока Девлин сосредоточит свое внимание на другом противнике, он рванулся вперед, метя в открытый правый бок Избранного.

Девлин снял правую руку с топорика и выбросил ее вперед, запутав меч врага в своем плаще. Потом довел левой рукой удар до цели, и тяжелая сталь, столкнувшись с изящным лезвием, расколола его. Секира вонзилась в ногу незадачливого убийцы, и тот с криком повалился на землю.

Девлин освободил оружие из раны резким рывком, и воздух оросил фонтан алой крови. Нападавший ухватился за рассеченную ногу обеими руками в тщетной попытке остановить красный пульсирующий поток, с каждым мгновением уносящий жизнь из его тела.

Положение вновь стало равным, и, отбивая удары левого мечника, Девлин ухмыльнулся. – Чтобы убить меня, требуется большее, чем красивый меч, – проговорил он.

Противник не ответил на подначивание, не удостоив павшего товарища ни единым взглядом. Он снова приближался к Избранному.

— Мой враг мертв, – объявил Стивен где-то за спиной. На душе у Девлина мгновенно полегчало. Он продолжал отбивать все более яростные удары мечника-левши.

– Найди Дидрика, – велел он музыканту.

– Нет, упертый осел, – раздался среди деревьев на северной стороне поляны хрипловатый голос лейтенанта. – С этим я и сам справлюсь.

– Я здесь, – проговорил Стивен, подходя к Девлину справа. Меч менестреля был в крови, равно как и одежда спереди, но если он и был ранен, то не подавал виду. – Споткнулся и упал так, что дыхание перехватило, – пояснил он, возбужденно поблескивая глазами. – К счастью, было кому смягчить наше с мечом падение.

Только Стивен мог умудриться победить опытного наемного убийцу, споткнувшись о корень в темноте. И только менестрелю хватило бы духу шутить над этим. Девлин задумался: в самом ли деле его друг не ранен или просто притворяется, чтобы сбить с толку врага?

Стивен сделал несколько быстрых шагов вправо, стараясь отвлечь на себя мечника, чтобы Девлин мог ударить сзади. Наемник оказался слишком опытным, чтобы попасться на такую уловку, и резко крутанулся так, дабы оказаться спиной к лесу.

Раздался короткий, резко оборвавшийся вскрик. Девлин выждал несколько секунд, но победного клича не донеслось, и он решил, что Дидрик, увы, или мертв, или лежит без сознания.

Стивен бросился на убийцу, однако тот отогнал его серией быстрых выпадов. Видя, что силы менестреля начинают иссякать, Девлин двинулся вперед и, оказавшись на расстоянии удара мечом от противника, поднял топор над головой и нанес сокрушительный удар.

Убийца ушел от него, поднырнув под секиру и перекатившись, словно акробат, и вновь оказался на ногах с мечом в руке.

Потом Девлин заметил движение в кустах за спиной противника.

– Стивен, – негромко бросил он, кивнув головой в сторону, в которой заприметил шорох.

Менестрель кивнул, показывая, что и он заметил неясную фигуру. Потом музыкант облегченно вздохнул, и в тот же миг из леса показался Дидрик.

Его молчание легко объяснялось – лейтенант умудрился подкрасться к убийце незамеченным, и теперь тот был окружен со всех сторон.

– Вам нужна моя помощь? – спросил Дидрик, будто объявляя о себе.

– Он нужен нам живым, – отозвался Девлин, испытывая огромное облегчение.

Убийца быстро обернулся через плечо и обнаружил Дидрика меньше чем в полдюжине шагов за спиной.

– Сдавайся, расскажи нам, кто тебя послал, и я пощажу тебя, – предложил Избранный. В конце концов, эти наемные убийцы всего лишь орудия в руках других. Надо выяснить, кто им платит.

Убийца поднял меч в приветствии, потом мрачно улыбнулся.

– Избранный, вы достойный противник, – сказал он. Девлин остановился, ожидая слов, произносимых при сдаче в плен.

Вместо этого убийца развернул меч и вонзил его глубоко себе в живот. Из раны хлынула кровь, наемник опустился на колени и повалился на правый бок.

Воин склонился над поверженным врагом, хотя было слишком поздно. Может быть, искусный лекарь и сумел бы спасти его, но поскольку его не оказалось рядом, человеку оставалось жить несколько минут.

– Проклятие, – выругался Девлин.

Капитан Драккен протянула меч слуге и одернула парадную форму. Ей потребовалось три дня и целая куча все более настойчивых просьб, прежде чем король Олафур наконец-то согласился принять ее.

Дворецкий распахнул дверь во внутренние королевские покои.

– Ваше величество, капитан Драккен прибыла.

Капитан сделала три шага вперед, остановилась и низко поклонилась, как при официальном приеме. В такой позе женщина простояла с десяток секунд, потом выпрямилась. Может быть, король и одет в ватный халат, больше подходящий для спальни, нежели для аудиенции, но это не значит, что он позволит ей какие-либо вольности.

– Скажи мне, Драккен, что за срочное послание, из-за которого ты стала угрожать моему наместнику, когда тот пришел поговорить вместо меня.

Капитан двинулась вперед и остановилась в десяти шагах от короля, снова вытянувшись в струнку.

– Королевский гонец привез вести, что на Избранного напали наемные убийцы.

– Я тоже об этом слышал, – проговорил король, слегка отворачиваясь от гостьи. Потянувшись к хрустальной вазе, полной драгоценных плодов оранжереи, он вытащил желтую грушу и поднял со стола маленький серебряный ножик. – Я не понимаю, почему это так беспокоит тебя. Девлин выжил, разве нет? Еще один триумф Избранного – он победил шайку мелких воришек.

Король Олафур принялся тщательно счищать шкурку с груши, куда более интересуясь плодом, нежели судьбой Избранного.

– Это были не просто бандиты. Судя по полученному мной докладу, на Девлина напали искусные мечники. И по меньшей мере двое из них говорили с кингсхольмским выговором.

Король покачал головой, не отрываясь от своего занятия.

– Девлин иностранец и вряд ли в силах отличить один выговор от другого. А что до воинского искусства, здесь он тоже явно ошибается. Насколько я помню, их было четверо против троих, и все же Избранный и его отряд умудрились убить всех, не получив ни единой раны. Искусные мечники, вероятно, сумели хотя бы обагрить свои мечи.

– Если бы вы сами читали отчет, то увидели бы, что он написан рукой лейтенанта Дидрика. Лейтенант опытный офицер, способный отличать и разные выговоры, и распознавать воинские способности нападающих.

От Девлина не пришло ни слова. Капитан была даже не уверена, знает ли он, что Дидрик отправил отчет в столицу. Послание было скупым, явно написанным второпях, но у Драккен сложилось впечатление, что спасло путников не воинское искусство, а удивительное везение.

– Этот лейтенант ваш человек, и вполне понятно, что вы верите его словам. Жаль, что придется подождать, пока наши отсутствующие слуги вернутся, прежде чем подробно допросить их на этот счет. Что же до случившегося, то я все-таки не вижу повода слишком тревожиться.

Беззаботность короля возмутила капитана, равно как и шпилька в адрес ее человека, сомнение в его способностях. Невольно мелькнула мысль, что Его величество пытается спровоцировать капитана или заставить забыть о цели прихода. Что ж, она не новичок, чтобы так легко отступить.

Вести о нападении добрались до Кингсхольма только через две недели, и не было ни малейшей надежды послать какое бы то ни было подкрепление до того, как Девлин окажется в Дункейре. Капитан надеялась, что Дидрик уговорит Избранного прислушаться к голосу разума и взять с собой солдат из приграничного гарнизона.

Впрочем, все это не означало, что капитан ничего не может сделать.

– В отчете лейтенанта Дидрика говорилось о четырех мечниках, умеющих слаженно сражаться. Это были не просто воры или жалкие убийцы. Должно быть, они входили в чью-то свиту. Скажем, как воины или учителя боевых искусств. Исчезновение такой четверки не может пройти незамеченным. Все, что мне нужно, это ваше разрешение допросить тех придворных, которые остались в городе.

Стоит отыскать, у кого не хватает четырех мечников на службе, и сразу поймешь, кто стоял за покушением на Девлина. Даже если Дидрик ошибся насчет акцента, именно с этого надо начинать. По крайней мере двое из главных противников Избранного решили провести зиму в столице, а не возвращаться в собственные владения. А если расспросы окажутся тщетными, можно будет расширить зону поиска, охватив и тех, чьи земли расположены ближе всего к столице. Чтобы догнать Девлина на дороге, убийцы должны были уехать вслед за ним или находиться в одном из городов вдоль Южной дороги.

– Нет, – проговорил король Олафур.

Капитан качнулась с пяток на носки.

– Прошу прощения, Ваше величество, но я не понимаю. Неужели король знает, кто нанял убийц?

– Я не дам вам разрешения докучать придворным, – ответил король. Он отрезал кусочек очищенной груши и съел его в два приема. – Я не позволю вам использовать это нападение, чтобы бросить тень подозрения на тех, кто выступал против Девлина в Совете.

– Но...

– Я сказал, – отрезал король Олафур. – Расследования не будет. По крайней мере пока вы не предоставите улики, что эти люди из Кингсхольма.

Как прекрасно знал Его величество, любые доказательства умерли вместе с противниками Девлина.

Капитан задумалась о том, какие могут быть причины, побудившие запретить следствие. Как капитан городской стражи, она имела широкие полномочия в области расследования преступлений, как мелких, так и крупных, хотя обычаем требовал испросить королевского согласия при расследовании дела придворного по обвинению в измене. Отказ был непонятен. Будь это кто-нибудь другой, Драккен подумала бы, что ему есть что скрывать и поэтому он пытается прекратить расследование.

Хотя эта мысль и в самом деле пришла ей в голову, она отринула ее как глупую. Если бы король действительно хотел избавиться от Избранного, ему стоило всего лишь снять Девлина с его должности. Совершенно необязательно посылать по следу убийц.

Король просто позволяет своей неприязни к политике, проводимой советником, встать на пути справедливого суждения и потому отмечает угрозу как несущественную. А ее он рассматривает как союзника Девлина, пытающегося тайно проводить в жизнь его планы. Двадцать пять лет верной службы Олафуру и его отцу оказались мгновенно забыты. Король дал ясно понять, что не верит капитану.

– Понимаю, Ваше величество, – проговорила она, осознав, что тот ждет ответа. – У вас есть дальнейшие указания?

– Нет. – Король взмахнул рукой, держащей ножик для фруктов, в сторону двери. – Можешь идти, и в следующий раз, когда решишь потревожить меня полной чепухой, подумай дважды.

Капитан сглотнула. По тону было ясно, что еще один неверный шаг будет стоить ей должности.

– Разумеется, Ваше величество. Сожалею, что побеспокоила вас.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, капитан попятилась, вышла из комнаты и приняла свой меч из рук слуги. Она вышла из королевских покоев, молча прошла через весь дворец, по длинной лестнице и через двор к Залу Стражи. И только оказавшись в безопасности собственного кабинета, Драккен позволила себе расслабиться.

– Ну, таких идиотов еще поискать. Во имя Семи! Клянусь, он еще приведет нас всех к гибели, – выругалась капитан, давая выход гневу.

Король Олафур не только в очередной раз поставил собственные прихоти превыше интересов королевства, а еще и дал понять, что не доверяет тем, кто смеет с ним не соглашаться. Придется проявить немало осторожности, чтобы сохранить свою должность. И остается надеяться, что Девлин отыщет проклятый меч и вернется в Кингсхольм прежде, чем король лишится терпения и все равно ее уволит.

С королевским одобрением или нет, но у нее не было ни малейшего намерения отказываться от попытки выяснить личности напавших на Девлина. Если открытое расследование невозможно, придется проводить тайное, положившись на нескольких, самых доверенных стражей. Она выяснит, что за люди атаковали Избранного, кто его враги, и заставит короля исполнить то, что велит правосудие.

VII

Неудачливых убийц оттащили к костру, чтобы внимательно осмотреть. В воздухе витал запах крови и вспоротых внутренностей.

Дидрик принялся обыскивать тела покойников – не самое приятное занятие. У них не оказалось ни гербов, ни знаков, ни даже монет, чтобы определить, из какой части страны они приехали. Девлин осмотрел их оружие, которое оказалось столь же неприметным. На закаленных стальных мечах не было ни клейма рода, ни символа отряда. Такие мечи часто использовались офицерами королевской армии и теми из знати, кто считал себя дуэлянтами.

– Ничего не понимаю, – с отвращением проговорил Дидрик, осмотрев последнего мертвеца, и поднялся на ноги, тщательно вытирая руки о тряпку. – Их вещи могли бы рассказать нам куда больше, если отыскать место, где они оставили коней.

Девлин тоже заметил на убийцах добротные сапоги для верховой езды. Должно быть, обнаружив лагерь Избранного, наемники проехали дальше по дороге и спрятали лошадей, а потом подкрались обратно через лес, надеясь застать спящих путников врасплох. Вероятно, именно они шуршали в зарослях еще во время дежурства Стивена и беспокоили скакунов. Девлин понимал, что выжили он и его друзья благодаря простому везению. Он проявил невероятную глупость и непредусмотрительность. Для начала не стоило выбирать место для лагеря настолько близко к дороге, чтобы каждый проезжий мог видеть свет их костра. И хотя путники караулили по очереди, воин не верил, что они находятся в опасности. Он был убежден, что враги предпочитают живого Избранного, отправившегося в дурацкий поход, мертвому мученику. В конце концов, если Девлина убьют, им придется иметь дело с новым Избранным.

Он был настолько уверен в этом, что не проявил простейшей осторожности, которая уже не раз выручала его из беды. Метательные ножи, которые могли изменить ход битвы в самом начале, лежали в седельных сумках. Хуже того, отправившись осматривать лошадей, Девлин оставил топор у костра. Напади убийцы чуть раньше, и он не успел бы его схватить и сражался бы с ними обыкновенным кинжалом.

После окончания боя воин почистил оружие и пристегнул метательные ножи. Впервые со времени ранения он взял и нож для правой руки, пристроив ножны таким образом, чтобы они не задели шрам. Этой рукой он владел не слишком хорошо и вполне мог промахнуться, но, рассудил Девлин, даже неточный бросок может отвлечь противника.

– Сейчас слишком темно. Обыщем лес с утра пораньше, – подал голос Стивен, сидевший на поваленной палатке. Кровь на его тунике была вражеская, и тем не менее, падая, он сильно ударился ребрами, и Девлин велел ему отдыхать.

– Нет, – возразил воин. – Пока мы теряем время, обшаривая леса, нас могут отыскать другие убийцы. Лучше всего поторопиться. Мы продолжим путешествие и будем настороже.

– В движущуюся мишень труднее попасть, – согласился Дидрик.

В последующие дни они бдительно дежурили по ночам, но не заметили, что за ними кто-то следует. Чем дальше путники уезжали от Кингсхольма, тем меньше становились городки и тем реже встречались. Эйнфор был крохотным пятнышком на карте, последним городом, через который им предстояло проехать до реки Кенвай, откуда простиралось то, что некогда было равнинной частью Дункейра.

Девлин поморщился. Джорскианцы называли эти земли Зеймундсланд, однако он даже мысленно не мог оказать такую честь кровавому палачу Инниса. Вместо этого воин следовал обычаю своего народа и именовал их Украденные Земли, поскольку захватчики присвоили себе плодородную равнину, превратив честных кейрийских фермеров в беженцев в собственной стране. За пятьдесят лет Украденные Земли перестали чем-либо отличаться от других

провинций Джорска – их обрабатывали потомки захватчиков, получившие земельные наделы. И только в горах сохранились кейрийские поселения.

На пересечение провинции понадобится немало дней. Десять, если погода останется ясной. Следом еще три дня подъема, в холмы до города Килбарана. А потом Девлину придется встретиться со своим народом и услышать родной язык впервые за два прошедших года.

Он не думал, что когда-либо отправится сюда. Даже в мечтах, когда воину рисовалась жизнь, свободная от жребия Избранного, он не представлял возвращения на родину. Да и как можно это сделать? Ему там нет места. Человек, лишенный семьи и ремесла, не существует. Он окажется чужаком в собственной стране. Хуже, чем чужаком, потому что джорскианских торговцев часто принимают радушно, как гостей. А человек, извергнутый из рода, не встретит слова приветия, только холодное молчание и пустые взгляды, скользкие мимо, словно люди не желают признавать его существование.

В Джорске было проще притворяться, что он по-прежнему человек. Там Девлин нашел себе место и тех, кого мог звать друзьями. В Кингсхольме ничто не напоминало о потерянном. Но стоит пересечь границу Дункейра, и воина обступят призраки прошлого, напоминания о том, частью чего он некогда был и никогда не станет впредь.

До Эйфора они добрались к полудню и остановились, чтобы сменить коней на крепких пони, которые куда лучше справятся с горными дорогами. Девлин участвовал в покупке лошадок, однако подковывать их отправил Дидрика. Ему совсем не хотелось заходить в кузницу.

Впрочем, может быть, это была ошибка, потому что он остался наедине со своими мыслями, которые с каждым днем путешествия в сторону родины становились все мрачнее.

Девлин поднес к губам кубок терпкого красного вина и осушил его. Потом поставил сосуд точно в центр стола и откинулся на спинку стула. Что он за человек, просто тряпка, раз прячется в гостинице и не может заставить себя встретиться с мастером, занимающимся его прежним ремеслом. Впрочем, это путешествие откроет немало старых ран и необязательно сыпать на них соль. И без того будет непросто встретиться с Меркеем, когда они доберутся до Килбарана.

Стивен отправился пополнять запас провизии, оставив Девлина в одиночестве, в лучшей комнате лучшей гостиницы города. Конечно, в Кингсхольме ее не удостоили бы и второго взгляда, но место оказалось довольно чистым, вино можно было пить, а прислуга не беспокоила Избранного, что и требовалось. Путешествовать с друзьями гораздо легче, и все же у Девлина почти не было времени побыть наедине с собой. А ему следовало подготовиться к неизбежному. И подумать. Потому что в глубине сознания таились сомнения. Голос, который делался все громче с каждой лигой, исчезающей под копытами коня. Голос, который говорил ему, будто он что-то позабыл, не предусмотрел, и из-за этого все они в опасности.

Раздался стук.

– Входите, – велел Девлин.

Дверь распахнулась и на пороге показалась хозяйка гостиницы Дженсин.

– Лорд Девлин, простите за беспокойство, но в общей зале собрались люди, просящие уделить им время.

Девлин вздохнул. Он ожидал чего-то похожего. Везде, где его узнавали, находились люди, жаждущие увидеть Избранного. Иногда им просто хотелось встретиться с ним, чтобы рассказывать позже, что они видели живую легенду. Другие просили о милостях, будто он мог их оказывать. Правда, обычно требовалось больше нескольких часов, чтобы набраться мужества потревожить его, и в большинстве случаев путники успевали благополучно уехать.

– У меня нет времени на пустую болтовню. Пусть убираются.

Дженсин покачала головой, и двойной подбородок даже заколыхался от возмущения.

– Я бы не стала беспокоить благородного гостя из-за просто любопытных. Эти люди хотят обратиться к Избранному, чтобы помочь решить их спор.

Напоминать, что он не знатный человек, смысла не было. Спасибо, что трактирщица перестала ему кланяться.

– Неужели у вас некому вершить правосудие?

Дженсин непонимающе посмотрела на него, и он попробовал повторить вопрос:

– Почему бы не послать за судьей? Должен же прожить хотя бы один неподалеку, даже если своего у вас нет?

– Они были у судьи и даже к лорду отправлялись в поисках правды. А ссора все продолжается и продолжается, стороны от сердитых слов переходят к ударам. Боюсь, не дошло бы вскорости и до смертоубийства. Иначе бы я не стала вас беспокоить.

Девлин удивился, почему они надеются, что он сможет разрешить их проблемы, если с этим не справился судья и лорд. Он же не законник, а всего лишь кузнец, ставший поневоле воином. У него нет ни мудрости, чтобы делить ее с людьми, ни времени и терпения распутывать их спор. Ему хотелось отказаться, но чувство долга не позволило. Избранный вправе вершить и высшее, и низшее правосудие. Это часть его обязанностей, нравится ему это или нет. И раз он все равно ничего не делает, то и отговориться другими неотложными делами не может.

– Веди меня к ним, – проговорил Девлин, поднимаясь на ноги. – И я сделаю, что в моих силах.

Шагая по коридору вслед за Дженсин, он услышал раздраженные голоса, доносящиеся из общей залы. Казалось, там собралось полгорода, но, войдя внутрь, воин обнаружил лишь чуть более десятка человек.

Люди явно разделились на две группы. На одной стороне была высокая горделивая женщина, яростно смотрящая на человека напротив. Она раздраженно кричала, и слова трудно было разобрать, а мужчина отвечал ей почти что рычанием. За спиной этих двоих собрались друзья и родственники, которые размахивали руками и немало добавляли к общему шуму.

– Добрые люди, – окликнула их трактирщица. – Суннива. Клеменс.

Ссорящиеся не обратили на нее внимания. Девлин ударом ноги захлопнул за собой дверь. Раздался общий вздох, и люди смолкли, повернувшись к нему.

– Если у вас нет на меня времени, я уйду, – сказал воин.

Женщина первая пришла в себя.

– Милорд Избранный, простите нашу грубость. Мы рады вашему появлению и жаждем мудрости. – Она изящно присела в реверансе.

– Интересно, ты по-прежнему назовешь его слова мудростью, когда он вынесет решение в мою пользу? – спросил мужчина и, обернувшись к Девлину, поклонился. – Милорд.

– Обсудим случившееся как воспитанные люди. – Толпа расступилась, и воин прошел вперед. Он взял стул и поставил его так, чтобы оказаться лицом к собравшимся. Потом сел и увидел, как люди разошлись на две стороны.

Спорящие остались стоять. Оба приблизились к середине жизни. Мужчина был ростом ниже многих других, а лысину компенсировала роскошная и тщательно расчесанная борода. Женщина была высокой и стройной, одевалась как все фермеры в простую рубаху и штаны, хотя ни у одного из фермеров не было настолько чистой одежды. Улыбаясь, она могла бы показаться хорошенькой, но сейчас из-за недовольного выражения лица вид имела не самый приятный.

– Кто может рассказать мне, что случилось? – спросил Девлин.

Это была ошибка.

– Мой лорд, эта женщина и ее семья сговорились, решив обдурить меня... – начал мужчина.

– Обдурить? Это ты настоящий вор. Ты и твой кузен судья... – заспорила женщина.

Один из поддерживающих «мужскую партию» возмутился.

– А кто пытался подкупить барона?

– Ты первый начал... – закричал еще кто-то.

– Тихо! – приказал Девлин. У него начала болеть голова. – Вы будете молчать, пока я не велю говорить, ясно?

Все присутствующие кивнули. Он поманил к себе трактирщицу, которая стояла у двери.

– Дженсин, ты знаешь, в чем состоит их ссора?

– Да, мой лорд.

– Ты родня кому-либо из них?

— Нет, мой лорд.

– Тогда расскажи все, что знаешь.

Дженсин вытерла руки о фартук и начала.

– Суннива, – указала она кивком в сторону женщины, – была замужем за Клеменсом почти двадцать лет. Прошлой зимой они согласились разойтись. Они поделили меж собой все имущество, но не смогли решить, что делать с землей. Клеменс утверждает, что земля его, потому что она принадлежала ему до брака. А Суннива хочет продать землю и разделить деньги.

Это показалось Избранному немного странным, хотя пока все было вроде бы ясным. И слишком простым, чтобы стать причиной такой яростной ссоры.

– А что сказал судья?

– Судья выступил на стороне Клеменса и заявил, что земля принадлежит ему.

– Судья его кузен. Конечно же, он выступил на его стороне, – вмешалась Суннива. – Я обратилась к барону Ростику, и он заявил, что права я.

– Если барон уже вынес суждение, то зачем вам я?

Клеменс яростно взглянул на свою бывшую жену.

– Барон не дал ей письменного свидетельства. Нельзя доказать, что именно он сказал или не сказал. Кроме того, ему явно не сообщили всю правду, и поэтому судья запретил продажу.

Жаль, что барон Ростик не счел нужным записать свой приговор. Это говорило о его беспечности или прямом обмане со стороны Суннивы. Самый простой способ решить проблему – отправить бывших мужа и жену к барону вдвоем, чтобы он рассудил их спор на месте.

– А урожай этого года сгнил в садах, потому что ты не позволила моим работникам собрать его, – заявил Клеменс.

– Этого не произошло бы, поведи ты себя честно и позволь продать землю, – ответила Суннива.

– Стоп, – сказал Девлин. Он, наверное, ослышался. – Вы не собрали урожай этого года? Позволили ему сгнить?

Клеменс кивнул.

– Я нанял бы работников, но семья Суннивы не дала бы работать тем, кто пришел собирать урожай.

– Это мои деревья! – заявила Суннива. – Моя семья дала мне саженцы, и именно я посадила их на земле, которую ты считал бесполезной. Без меня там оставался бы пустырь.

– Это была моя земля, – возразил Клеменс. – И двадцать лет труда сделали сады тем, что они есть теперь.

– Я скорее сожгу их на корню, чем позволю попасть в твои руки.

– Сразу видно, какая ты мегера!

– Довольно! – Интересно, как эти люди прожили в браке двадцать лет, если теперь так яростно ссорятся? Девлин не мог понять, как можно столь опуститься. Подумать только, из-за мелочных ссор позволить здоровым плодам сгнить на деревьях, вместо того чтобы как-нибудь сговориться! Это больше, чем просто глупость. Это смертный грех.

Впрочем, наказывать людей за глупость не в его власти.

– А что скажут ваши родители? Вы не подписывали брачный контракт?

На ноги поднялся пожилой мужчина.

– Я Иульф, отец Клеменса. Соглашение было подписано. Там сказано, что если брак распадется, а детей не будет, земля останется в моей семье.

– Я же не прошу всю землю, а только сады, где стоимость моих деревьев в десять – нет, двадцать раз больше земли, на которой они растут, – заспорила Суннива. – Вы же видите, что я права, мой лорд.

– А ты, Клеменс, что полагаешь справедливым?

– Земля моя. Что до садов, мой дом находится среди них. Одно нельзя продать без другого. Суннива ушла от меня, значит, сама выбрала свою судьбу. Она получила приличную сумму за годы нашей совместной жизни, куда большую, чем принесла в приданом. Она не будет голодать.

– И это все? Никто не требует возместить моральный ущерб? Никто больше не требует правосудия? – спросил Девлин.

– Все остальное мы утрясли. Остается только это.

Воин усилием воли сохранил невозмутимое выражение лица, не показывая своего замешательства. Не годится демонстрировать этим людям, что он ничего не понимает в их ссоре и в том, как разрешить ее. Будь он в Дункейре, ответ был бы ясен, но в этих местах, как ему было прекрасно известно, подобные вопросы решались по-другому.

– Я подумаю над вашим делом и сообщу о моем решении вечером, после позднего ужина, – заявил Девлин.

Ему надо не просто вынести свое суждение. Надо еще, чтобы эти люди согласились с решением и повиновались ему.

– Вот и вся история, – закончил Девлин. Он дождался ужина, чтобы рассказать своим спутникам о произошедшем днем. – Лично мне хочется отправить женщину на виселицу за то, что дала сгнить хорошим фруктам. Да и мужчине светила бы тюрьма за то, что не хватило здравого смысла пойти на компромисс.

– Я так понимаю, ты не сказал им об этом, – проговорил Стивен, отодвигая тарелку и покачиваясь на задних ножках стула.

– Нет, я пообещал вынести решение сегодня вечером.

Дидрик подцепил вилкой еще один кусок утки с блюда, потом начал резать его на мелкие кусочки. Все трое воздали должное еде, наслаждаясь редкой возможностью ужинать не торопясь. Чем реже попадались города, тем чаще они не успевали добраться до гостиницы и проводили ночи, разбив лагерь в стороне от дороги, перекусывая тем, что можно быстренько сжевать при свете костра. Если на пути все же встречалась деревня, путники обычно добирались до нее затемно и довольствовались простой пищей. Здесь же друзья задержались на целый день, и повар, не теряя даром времени, приготовил целый пир в их честь. Стол был заставлен пустыми тарелками и мисками, вычищенными до блеска, и Дидрик старательно доедал то, что осталось.

Лейтенант прожевал очередной кусок и спросил:

– И что ты собираешься им сказать?

– Я хотел попросить вашего совета. Честно признаюсь, я плохо понимаю, как тут рассудить.

– А что тут надо понимать? Многие браки начинаются хорошо, а заканчиваются плохо. В моем репертуаре столько же песен о несчастной любви, сколько и любовных баллад, – вступил в разговор Стивен.

– Это мне известно, – сказал Девлин. Не настолько же он невежествен. Развод был давно разрешен у обоих народов. И он прожил в Джорске достаточно долго, чтобы знать, что здесь мужчина может владеть домом и землей, хотя этот обычай казался ему по-прежнему странным.

Кейрийцы были куда разумнее. Женщина – центр семьи, всех родственных связей. Женщины принадлежат земле, а земля принадлежит им. Только так можно быть уверенным в порядке и стабильности.

В его стране знать правила землями, мужчинами и женщинами. Мужчина может хозяйничать в лавке или мастерской, там, где он занимается своим ремеслом. А вот землей, особенно той драгоценной землей, которая может давать плоды или кормить скот, владеют женщины, потому что они созданы по подобию Богини-матери Теа. Стоит начать жить по-другому, и беспорядка не оберешься. Как и случилось здесь.

– Мне кажется, они оба виноваты, – проговорил Девлин. – Не вижу ни у одного из них преимущества.

Дай ему волю, он отобрал бы землю у обоих, а урожай и вырученные деньги распорядился бы поделить между бедняками. Хотя подобное решение вряд ли будет воспринято как справедливое. Он пробыл здесь всего лишь день, а этим людям жить с его приговором долгие годы.

– Что бы ты ни решил, все равно кто-то останется недоволен, – сказал Стивен. – Брось монетку и предоставь судить Богу Канжти.

Девлин нахмурился. Он не желал призывать Бога удачи, даже в таком пустяковом деле. Боги и без того слишком много вмешивались в его жизнь.

– Отправь их обоих к барону. Он ведает такими делами и должен сам принять решение, – предложил Дидрик. Он осмотрел стол и спросил с надеждой: – Как ты думаешь, у повара еще остались эти яблоки в меду?

Через некоторое время, после того как Дидрик съел еще одно блюдо яблок в меду, обеспечив себе тем самым плохое самочувствие на весь завтрашний путь, Девлин и его друзья вернулись в общую залу. Там их решения дожидались Суннива, Клеменс и их сторонники.

– Поклянетесь ли вы оба поступить в соответствии с моим решением?

– Если оно будет мудрым, то... – начала Суннива.

– Никаких «если», – перебил ее Девлин. Он встретился с ней взглядом и дал почувствовать мощь его воли. – Вы попросили моей помощи и теперь должны поклясться поступить по слову Избранного под страхом смерти. Вы готовы поклясться?

Суннива побледнела, но голос ее не дрогнул:

– Я клянусь принять ваше решение.

– Клеменс?

На лбу мужчины выступили капельки пота.

– Я тоже клянусь.

Девлин почувствовал некоторое удовлетворение, увидев, как обоим стало не по себе. Поссорившаяся пара хотела использовать Избранного в своих целях, да только они не учли, кого втянули в свои делишки. Он не просто сельский судья, а защитник королевства, поставленный Богами. Так верят эти люди. И нарушить данную ими клятву равносильно государственной измене.

Девлин редко пользовался своим положением и знал, что многие сочли бы, что он слишком суров. Но он не сочувствовал ни одному из двоих истцов, позволивших личным обидам застить глаза и позабывших о справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.